

Виктор ВТАСОВ ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

@ЭЛИТА

18+

Виктор Власов

Последний рассвет

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Власов В.

Последний рассвет / В. Власов — Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Роман «Последний рассвет» – вторая книга Виктора Власова. Это оригинальная авторская фантазия, построенная по мотивам исторических реалий средневековой Японии эпохи Муромати и предваряющая события повести «Красный лотос». Трагическая и авантюрная судьба принцессы Суа и увлекательные приключения братьев-мастеров искусства ниндзюцу Шуинсая и Лао Зотайдо разворачиваются на фоне войны, пылающей между сёгунатами Эдо и Киото. В это бурное время при самоустранении императора Гонары в атмосфере придворных интриг и межконфессиональной склоки решалась судьба Ямато, создавалось своеобразие национальной японской культуры. Ценители интеллектуальной прозы, несомненно, отметят просветительское значение этого романа, вводящего читателя в необычный читателю-европейцу своеобразный мир мистической экзотики дальневосточной культуры. Культура эта была создана Великим Океаном, вулканами, тайфунами, горными ущельями, и вмешательством мощных континентальных цивилизаций – китайской, корейской, европейской. Читателя же менее взыскательного, несомненно, порадует искренность и непосредственность авторского художественного слога, удивит близость к современности и актуальность для сегодняшнего дня некоторых понятий, наполняющих древнюю традицию Ямато эпохи Нара».

© Власов В., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктор Власов

Последний рассвет

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Если б каждый человек начинал свой день, наблюдая, как божий мир наполняется жизнью, светом и красотой, то в мире исчезли бы мерзость и злодейство – в омытой восходом душе просто не нашлось бы для них места»

Энно Идзавара – самурай, уставший от войны.

Пролог

Раздираемая конфликтами страна словно бушующий океан порой выплёскивает на поверхность Истории совершенно неожиданные фигуры, сотворённые богами из обломков разрушенных родов. О таких вождях, добившихся значительного успеха при жизни, но памятью о себе неудобных последующим победителям, чьи предки были с позором биты самонадеянным выскочкой, летописи умалчивают, а их заслуги приписываются другим историческим лицам.

* * *

Рассечённая на долины и лощины подобно Шотландскому высокогорью, Япония в средневековье была такой же конфедерацией крупных земельных владений, что и Шотландия. Границы между провинциями страны не оставались постоянными, а зависели от амбициозности владетелей земель. Сперва таковыми были императорские родственники, принцы, высшие чиновники, проживавшие в «центре мира» – городе Киото, а затем, когда власть по-настоящему перехватили военные диктаторы *сёгуны*, владение землёй плавно перетекло в «загребущие руки» назначенных *сёгунами* военных губернаторов, силой подчинивших императорских чиновников на местах, и без зазрения совести присвоив поднадзорные земли, превратившиеся из *сюго* в *даймё*.

Воля Императора ограничивалась мерой совести правителей поместий периферии, их готовностью терпеть над собой традиционные институты государственной власти. *Тэнно* – так назывался император Ямато, не мог быть смещён представителем какого-либо иного рода. Заговорщики, бывало, скидывали с престола неугодного кандидата, но взамен на трон Ямато сажали его же родича, ведь род происходил от самой Амаатерасу, и только потомки богини, как верил народ, были в состоянии обеспечивать стране покровительство Небес.

Императорская власть повсюду в мире происходила из древнейшей традиции жречества. Начало статусу «отца нации» положили короли-колдуны, чья личная успешность – от внимательности, сообразительности, везучести, – стала залогом благополучия всех, кто присягнул ему на верность. Монарх – это, можно сказать, «просвещённый шаман». В Японии традиция престолонаследия была облагорожена религиозными философами буддизма и синтоизма, оставаясь сакральной: в определённые дни глава нации обязан исполнять ритуальные действия в том или ином храме, хранить божественные реликвии и прочее, а *над* императорами с некоторых пор находилась сила, которая ставила им условия – *сёгунат*, возглавляемый военным вождём общеимперских войск, диктатором.

Правительство *сёгуна* – *бакуфу*, впервые было создано по итогам грандиозной войны между двумя влиятельнейшими силами – аристократами рода Тайра и «усмирителем варваров» Минамото Ёритомо. *Бакуфу* расположилось первоначально вдали от Двора, в Камакуре, а затем, со сменой главенствующего рода (Минамото), переехало в Киото (в столичный район Муромати), фактически лишив власти императора и зная, но пало от собственных реформ: назначенные *сёгунами* Асикага военные правители провинций перестали подчиняться центральному правительству, погрязшему в роскоши и пренебрежении обязанностями, и развязали долгий кровавый передел.

Часть первая

Глава 1

Свергнув старый порядок на востоке Хондо, войско Ёсисады Хадзими, выступившего на стороне Нинтоку Тода, самозваного претендента на престол Ямато, продвигалось на юг.

Сын неизвестного князька, по протекции монастыря на священной горе Курама выдвинувшийся из каких-то *дзи-самураев* на должность «тиндзю сёгуна», что значит «усмиритель варваров Востока», объявил себя потомком рода Нитта, ветви, начавшийся с Нитта Ёсисады, оставшегося в памяти народной как истинный японец, борец за дело Императора. Амбициозный и жестокий, но туповатый и взбалмошный, Ёсисада Хадзими прославился скорым подавлением восставших *эмиси* на Хоккайдо. Белым Тигром звали его самурай-*гокенины*, и прозвище это подхватили крестьяне и ремесленники богатейших рисом территорий северо-восточного региона Канто, оказавшихся под его рукой.

Имя Нинтоку Тода, что провозгласил себя воплощением древнего святого правителя и пересказал фразу исторического прототипа: «Отныне и в течение трёх лет все поборы прекратить и дать родам передышку в их тяжёлом труде», в устах жителей звучало как самый сладкий, пьянящий надеждами яблочный нектар. Освобождённые от непомерной дани, налагавшейся прежними властителями, когда крестьянин был обязан отдавать семь мешков риса из десяти, они расправили плечи, трудясь ради достатка своих семей. С уважением и в признание новой покровительствующей силы, и чтобы священная традиция синто не нарушалась, крестьяне отдавали своему императору лишь меньшую часть того, что выращивали. Да Нинтоку Тода, воспитанный в монастыре в умеренности и аскетизме, многого и не требовал – по одному коку риса на воина, по два – на самурая-*гокэнина*, и верности от *асигару*, пехотинцев, которых выставляли деревенские семьи, одного воина от четырёх дворов.

Рос достаток жителей быстро, как бамбук – появилось много новых домов по буддийскому образцу, на добротных каменных фундаментах, удобных для проживания, радующих глаз. За провинциальным замком Тиёда в городке Эдо, окружённом отстраивающимися кварталами, в которых селились военные и духовные деятели, бежавшие из Киото к Объединителю, закрепилась слава будущей резиденции сёгуна. В самом замке, под охраной особого отряда самураев-*хатамото* хранились, по уверениям «очевидцев», подлинные «Три священных сокровища». Монахи рассказывали, будто бы в момент явления истинного «я» Нинтоку молящимся на горе Курама, сущность этих регалий императорской власти чудесным образом перенеслась в аналогичные предметы, имевшиеся в распоряжении монастыря Атидзен: бронзовое зеркало, яшмовое ожерелье и старинный меч. Из этого следовало, что боги благоволят делу Белого Тигра-Освободителя и всем примкнувшим к нему даруют удачу и прощение.

В гавани Эдо в это время высились мачты необычного судна, не японского, а какого-то варварского вида. Прибывшие на нём южные варвары – *комодзины*, – отличались от тех, что обосновались на острове Кюсю. Тамошние, *намбаджины*, стремились обратить жителей Ямато в свою странную веру – строили свои храмы, печатали свои книги, заставляли самураев и вельмож креститься и носить неяпонские одежды. Священники намбаджинов никогда не принимали участия в традиционных торжествах *синто* или буддизма, отвращали и своих последователей – грешно, мол! *Ками*, духи природы и умерших предков, для этих варварских пастырей были бесами. Слуги *бодхисатвы* Иисуса проповедовали человеколюбие, чем и соблазнили очень многих – больше миллиона южан уже осеняли себя крестным знаменем, – но другие *намбаджины* нападали на рыбацкие селения и крали людей, обращая в рабов и шлюх. Торговцы

южных варваров привозили и продавали одному из даймё рода Ода своё оружие – аркебузы и мушкеты.

Ода – незнатный род, *сёгун* Асикага поставили их управлять провинцией в качестве *сюго*, но, как водится, братья разодрались и между собой, и с соседями. *Сёгун* из рода Асикага, под которым самим горела земля, было не до соседских раздоров, поэтому Ода Бадафуса, «большой дурак из Нагоя», предоставленный самому себе, постепенно, победа к победе, креп и богател. Ода развивал торговлю морем, обзаводился даровитыми генералами и советниками, которых, тем не менее, позволял себе пинать ногами, и теперь стал очень влиятельной и независимой силой.

Оду ненавидели. *Даймё* провинции Мину Сайто Хидеаки, у которого Ода отхватил значительную родовую территорию, искал союзника против южного соседа, и, помимо своего северного недоброжелателя Такэды, одним из первых поспешил заключить союз с новоявленным императором Нинтоку Тода и его опытным военачальником Ёсисадой Хадзими, покорителем айнов Хоккайдо. Примкнули к этому союзу, освящённому Луной, Солнцем и Землёй, и другие влиятельные роды, которым надоели и Ода, и Асикага, и безвольный Гонара, император Киото, и святотатственные христиане-иезуиты. Восстановление единства страны мыслилось большинством *даймё* как следствие реставрации Первоначал Ямато, процветавшей, когда столицей была древняя Нара.

Над крепостью Кофу, почтовым узлом Хондо и главным перевалочным пунктом объединённой армии «Трёх тигров» в провинции Кии, родовых владениях клана Такэда, стояла вечерняя влажная дымка. Со дня на день сюда, поднявшись с равнины Канто, в обход горам Яманаси, войдёт пятитысячная армия «Белого тигра» Ёсисады и двинется на север, чтобы слиться с армиями «Горного тигра» Такэды и «Северного тигра» Уэсуги, и ударить на город Нагоя, резиденцию проклятого Оды Бадафусы, того самого «Большого дурака из...»

Вторая, главная часть тридцатитысячной армии Ёсисады Хадзими, вдоль океанского побережья пройдёт по бывшим владениям Имагавы, родича киотского *сёгуна*, и вступит в сражение с вассалом Оды – Токугавой Иэясу, нынешним господином этих земель, чтобы связать его силы и по возможности пройти к Нагоя с восточного направления. Кроме того, *гайдзинские вако* с южных островов под предводительством корабля *комодзинов*, оснащённого палубными мортирами и с вооружённой мушкетонами командой, должны прорваться через рейд в залив Исе и атаковать Нагоя с юга. Одновременно, если Ода Бадафуса решит бежать морем, флотилия должна перехватить его судно. Капитан галеона *комодзинов* звался лордом Энтони Кори-двенном, он был рад стычке с южными варварами – на далёкой заморской родине, в Европе, их народы враждовали.

Генерал Кено Мицухидэ, правая рука Хадзими, один из самых верных его вассалов, по договорённости с Такэдой временно держал оборону Кофу – враг не дремал, зная, что захватив город, запрет Белого Тигра в котловине между хребтами, и тем самым перехватит стратегическую инициативу. Солдат в крепости оставалось немного, их большая часть ушла вылавливать недавно объявившуюся в окрестностях банду Кагасиро Тэнгу. Их увёл Ямамото – один из вассалов Такэды, наиболее искусный в борьбе со всякого рода «*химицу сосики*».

Утомлённый тяжёлым весенним походом на варваров Хоккайдо, Мицухидэ подолгу беспричинно раздражался, нервничал, не мог отдохнуть. Вот и теперь он отчего-то был тревожен, не спал трое суток. Со дня на день резидент сообщит о позиции врага. Задерживался, будь он проклят!

– Прибудет шпион – сообщить, – хмуро проговорил комендант. – Не тревожить меня пока...

Мицухидэ не слишком волновался за возможные нападения: надо быть глупцом, чтобы атаковать крепость, думалось ему. Во-первых, она, совершенно не по обычаю Такэды обне-

сённая глубоким рвом, имела высокие каменные башни, откуда специальные установки, разработанные изобретателями Ямато на манер китайских многозарядных арбалетов, могли на большом расстоянии при необходимости окатить градом стрел. Во-вторых, до крепости, стоящей в самом центре горной котловины на плато, не подобраться незамеченными – звуками барабанов *тайко* монахи-воины храма Минобусан – секты *нитирэн*, обученные искуснейшими мастерами, – могли оповестить гарнизон задолго до того, как замеченная ими вражеская армия подступит к стенам. В-третьих, Мицухидэ нежился в деревянной кадке, наполненной горячей водой, и не желал думать об опасности. Суэта и тревога изрядно потрепали его, и полноценный отдых перед надвигающимися событиями, конечно бы, не помешал.

Лето в Японии – период частых тайфунов. Из-за долгой жары и затяжных дождей воздух отсырел настолько, что позолота на маленьких статуях Будды и рисунки лаковой тушью на раздвижных перегородках казались подёрнутыми росой. Теперь из-за белого пара, призраком витавшего по комнате, не разглядеть ни статуи, ни изображения на *фусума*. И пусть, ведь Мицухидэ заслужил долгожданную паузу. После недавней отчаянной разбойничьей атаки в горах, обрушившейся на соляной обоз, посланный старому врагу Такэде благородным Уэсугой, Мицухидэ хотел запереться и не выходить из комнаты никуда. Соль ценилась в этих землях на вес золота, благо самое золото добывалось в окрестностях Кофу в огромных количествах, и отчеканенные здесь «золото Каи» – *косюкин*, монеты, славятся по всей Японии едва ли не больше местных скакунов. Проклятый Кагасиро – утопил обоз в Фудзи-гава! Хотя бы коней отпустил, ведь лошади не только слишком дорогое имущество, доступное лишь очень состоятельным *даймё*, но – верные, добрые, сильные, грациозные живые твари. Да неужели буддист может совершить подобное! Коней Мицухидэ жалел куда больше убитых людей, даже больше соли – плыви она к океану!.. из-за коней-то эти трое суток и переживал...

Окинув ленивым взглядом просторное помещение комнаты и двух очаровательных служанок, которые по мановению веера исполняли любой каприз повелителя, Мицухидэ закрыл глаза, уложил влажную голову на подушку на крае *фиуро*, и, расслабив тело, блаженно улыбался. Кашель, подхваченный им ещё на Хоккайдо, здесь, на термальных водах, проходил; с каждым днём Мицухидэ радостно чувствовал, что давнишняя болезнь отступает. Обильные трапезы, необычно вкусное виноградное *саке* из местных лоз, священные воды гейзеров Сэкисуйдзи, Мисава, и женские ласки нежных *ойран*, вывезенных из Эдо, исцеляли лучше всякого лекаря.

– Нектара мне, – нетерпеливо велел разнеженный в тёплой кадке Мицухидэ.

Полубоная *юна* торопливо подала поднос с прохладным вином в кувшине. Отпив, он шлёпнул симпатичную девушку по ягодице и попытался ущипнуть, но соскользнули пальцы.

Надев *юката*, ощущая себя освобождённым и просветлённым, Мицухидэ отправил служанок восвояси. В блаженстве, лёг на циновку, застланную белым покрывалом, томно сложил губы – благодать! Накрывшись тонким полотном, военачальник отходил ко сну.

Колокол замковой часовни возвестил полночь. Окно с видом на далёкую Фудзияму открыто, освежающе овеивает прохлада со снежных шапок окрестных гор; Мицухидэ услышал шум подъёмных цепей и приветственные голоса охранников. Мост опустился, глухо стукнувшись оземь. Лениво шевельнулась мысль: «Ямамото вернулся». Мицухидэ почесался, перекатился на другой бок и решил не вставать для встречи – сладко обволакивал сон.

Всё произошедшее дальше было внезапно – весёлые голоса сменились дикими воплями и горестными стенаниями, раздался взрыв, затем второй. Мицухидэ подскочил, бросился к окну; пелена сна вмиг спала с глаз, когда он увидел бойню во дворе.

В открытые ворота непрерывно вбегали бандиты, похожие на тех, ограбивших давешний соляной обоз. Немногочисленные стражники у ворот были вмиг переколоты, но тревога вынесла из казарменных помещений новую волну обороняющихся, которую вели проверенные в боях самураи. Схватка закипела по всему двору.

У одной повозки взгляд Мицухидэ выхватил высокую фигуру в необычном синем доспехе, в свете луны переливающимся ультрамариновым огнём. Он, скорее *она* – на маске, скрывавшей лицо, горели индиговым пламенем два крупных камня-глаза. В отличие от обычного женского оружия, *нагинаты*, *Онна бузэйся* держала перед собой *тати* – длинный изогнутый меч, не похожий на обычный *катану*. Лезвие продолговатого клинка – бледно-голубое, словно предрассветное небо. *Онна* помахивала им играючи, извиваясь, точно змея. Один за другим охранники падали, уязвлённые молниеносным жалом, не имея возможности приблизиться. Застывая на месте в боевой позиции, воины валялись, парализованные, захлёбываясь кровью, храпя нутром. Агония нещадно била их на земле. У иных доспехи от удара *тати* почему-то воспламенялись и горели ослепительным бело-синим пламенем, и тогда воины в ужасе кричали, носились, бешено катались по земле. Нападая, опытные самураи пропускали, казалось, случайный блеск луны и падали за смертью – настолько ювелирно женщина-воин орудовала мечом, смертельно поражала единственным ударом.

Мицухидэ невольно залюбовался великолепным смертоносным мастерством *кэндзюцу*, отметив, что поверху на подмогу сражающимся во дворе уже спешат стрелки. Но подоспевшие некстати лучники почему-то по очереди повалились со стен! Не успевая пустить в ход оружие, они камнями грохались на землю. Вот разбило повозку, рядом с которой сражалась *Онна*, тело очередного лучника, свалившегося со стены. Другого точно выбило невидимым пальцем великана – взлетев, он проломил крышу помещения конюшни. Лошади истошно заржали, словно заплакали.

Мицухидэ побледнел. По стене двигались двое: человекообразное нечто, похожее на гигантскую клювоносую обезьяну, обёрнутую в плащ монаха-ямабуси, и огромный рыжеволосый воин с двумя мечами. Могучим прыжком Тэнгу наскочил на двух рядом вставших *асигару* с поднятыми луками, раздавил обоих. Затем вплотную притиснулся к стене, перегнулся через парапет, и вдруг из-за спины чёрной образины вырвалось облако дыма, поглотившее и отважную сапфировую красавицу *Онна*, и сражающихся с разбойниками самураев во дворе.

Мицухидэ испугался: действительно, в крепости Кофу, неприступной для вражеских армий, орудовал отчаянный и опасный бандит – Кагасиро Тэнгу! Рядом – здоровяк Бодзу: навьючен бомбами, на теле толстенный панцирь, в лапищах оружие – громадный тяжёлый железный шест с лезвием, в котором издавек узнавался *бисэнто*. Несколькими экономными взмахами своего оружия Бодзу очистил от лучников и аркебузирова изрядный плацдарм на стене, в щепки разбил пару многозарядных лотковых арбалетов.

Из густого серого облака, шурша, вылетали стрелы, вываливались шары, и, взрываясь, чёрными струями выдыхали с шипением новый и новый клубящийся смрадный дым.

– Как же такое случилось? – Мицухидэ, нервно накинув на плечи *каригину*, подвизывал под коленками широкие *хаками*.

– Стеляйте, стреляйте! – кричал выбежавший на стену начальник замковой охраны. По мосту, визжа, издавая нечеловеческие вопли, в крепость рвались всё новые бандиты, терялись в дыму. Начальник охраны ринулся к башне, подобрал лежащую около мёртвого стрелка аркебузу, ловко вскинул и выстрелил в Бодзу. Пуля ткнула в бронированное плечо, но тому хоть бы что – даже не качнулся. Играючи, он поднял чьё-то мёртвое тело, безголовое, невероятно тяжёлое, и, размахнувшись, бросил – и начальника охраны с хрустом припечатало к стене.

В комнату Мицухидэ на нетвёрдых ногах вбежал охранник с широко раскрытыми глазами. Из дрожащего рта вырвались слова:

– Они з-здесь! Нас пре... – и упал на колени, отхаркнув кровавой сгусток, ударился о пол. Под его лицом разлилось булькающее багровое пятно, похожее на лепестки огромного пиона. И эта кровавая сценка была крайне, отвратительно реалистична – не то, что завораживающее красотой войны действо за окном. Мицухидэ опомнился, побледнел, отскочив от окна, рванул в угол комнаты – к тайному ходу. Быстро надел сандалии, пояс с ножнами, в которых

дремал *катана* на пару с коротким *вакидзаси*, схватил мешочек со связкой *сюрикэнов*. Сбежал по ступенькам в подземелье, откуда имелся выход за стену, к наполненному водой широкому рву. Здесь он нашёл привязанную тросом кожаную лодку, вскочил в неё и рванул стопор хитрого китайского механизма – трос дёрнулся, натянулся, и лодку поволокло прочь от опасного причала.

Лодку тащило какое-то очень мощное устройство – гребя ручным веслом, беглец вряд ли смог бы оказаться вдали от замка столь скоро. Днищем уткнулся в берег, в невысокую кладку – в углублении стенки находился рычаг. Мицухидэ торопливо дёрнул за холодную рукоять, стараясь её вырвать, иначе, приведя механизм в движение, через пять минут лебёдка быстро потянет лодку на ту сторону рва. Не получилось! Он побежал, не помня себя от страха, давившего грудь, оглушённый громким тревожным стуком сердца, не слыша звуков собственных *гэтта*. Он знал, что пять минут – время, необходимое на преодоление лодкой приличного расстояния, поэтому бежал быстро-быстро. Кашель, будь он трижды неладен, сбивал темп бега, но генерал оказался в храме даже раньше, чем предполагал. Три монаха-воина ждали. Накинув на господина шёлковую куртку, сами вооружились мечами, кинжалами для метания и луками. Вчетвером забрались в лодку.

– Мицу-сама, – обратился настоятель храма Минобусан по имени Сендэй. – Предала Саюке-химэ... далеко не уйдёт.

Удивление отразилось на испуганном лице Мицухидэ. Он произнёс в замешательстве:

– Родственница императора!?

– Как ни скорбно слышать...

Мицухидэ посмотрел Сендэю в лицо так, будто хотел прочесть мысли.

Возложив на тетиву стрелу, монах подождал, пока соратник подожжёт обмотанный паклей наконечник, и выстрелил высоко в звёздное небо. На крутом склоне горы яркий огонь – вспыхнул и снова потух.

– Нас ждут, не медлим!

Они забежали в гущину леса. Крепкие стволы были плотно оплетены жёсткими ядовитыми лианами плюща с гроздьями ягод и усиками. Прорываясь, беглецы стремительно двигались между деревьями, обходили муравейники, кишевшие большими чёрными насекомыми, избегая открытого пространства тропы. Бамбуковый подлесок поредел, закончился, сменился магнолиевой рощей. Лунный свет проникал сюда и янтарными пятнами ложился на мох, на землю, засыпанную мокрой листвой. Сквозь переплетение веток деревьев сверкала Фудзи-гава, за ней поднимались в гору и спускались в теснину извилистые тропы. Перейдя по камням шумящий порожи́стый поток, они попали в узкое ущелье Микю. Тропа, сжатая густыми зарослями серебристого гингко, сузилась настолько, что люди едва пробирались между могучими стволами. В самом ущелье у монахов-воинов имелось множество «секретов».

Сендэй остановился, приказав спутникам выпустить сигнальную стрелу. Он зашёл под навес из трёх кривых гингко, что сплелись кронами, позвал Мицухидэ. Раздвинув траву, настоятель расчистил землю от листьев.

– Ёми, Исами, поторопимся! – скомандовал Сендэй, с помощью кресала и кремня зажёл толстый чарог.

Вместе они подняли большой пласт дёрна, обнажилась тяжёлая рельефная крышка, окованная бронзой – лаз в пещеру.

Внутри пахло мокрой землёй, слышалось капанье воды. Они шли, согнувшись. Мощные, мочковатые словно сети, корневища гингко торчали из низкого свода над головой. Настоятель молча двигался впереди, освещая проход.

Пещера в ущелье Микю представляла собой длинную наклонную галерею, частично природного происхождения, а частью вырубленную в пемзе монахами *нитирэн*. Внешняя стенка галереи кое-где имела прорехи – виднелась осяянная янтарём неровная пила горного

хребта Акаиси, выступающая из бледно-серого тумана. Луна, медальоном из грубой старинной бронзы зависшая над пиками высоких громад, багрила шапки снега на них. Дорогой несколько раз встретились узкие расщелины, обрывавшиеся в бездонную пропасть, через них проходили по перекинутым деревянным лестницам и канатным мостикам. На подъём двигаться тяжело, Мицухидэ попросил передохнуть – не хватало воздуха.

– Выйдем, Сендэй... я приказываю! – хрипел бывший «и.о. коменданта» Кофу. Пот крупными каплями скатывался у него со лба.

– У меня приказ повелителя, – невозмутимо отклонил настоятель храма Минобусан. – Если с вами что-нибудь случится, я лишусь головы, и мои братья тоже. Хотите того или нет, но я доставлю вас в целости и сохранности на побережье Яидзу. Оттуда отправитесь в Эдо.

– Вы испытываете моё терпение! – рассердился Мицухидэ. – Повторяю: дышать не могу! Теснота...

Он сунулся в узкую прореху в каменной стене – туда, к лунному свету, к свежему воздуху, но его живо вытащили, бранящегося и толкающегося. Крепко схватив под руки, Ёми и Исами поволокли коменданта за Сендэем.

– У меня приказ оберегать вас лично! – повторил настоятель, качая головой. – В том, что крепость пала, нет вашей вины. Отряды провинции Каи утром выбьют разбойников, и с бандой Кагасиро Тэнгу будет покончено.

Единственный вассал, за чью судьбу переживал жёсткий и властный военачальник Ёсисада Хадзиме, – генерал Кено Мицухидэ, *хатамото* Белого Тигра. С божьей помощью или по чистому везению за восемь лет «северной кампании» проявивший себя в сражениях против айнов, не раз спасавший шкуру своего *даймё*, *буси* Мицухидэ стал любимцем и лучшим другом *сёгуна*. Одно лишь присутствие вассала во дворце поднимало Хадзиме настроение. Мицухидэ, со своей стороны, также дорожил дружбой с Ёсисадой, который считал его талисманом, приносящим победу. Нередко в окружении приближённых возникали скандалы: повелитель прислушивался только к советам фаворита, а иногда назначал руководить войском «второго человека в армии» – генерала Хавасана, который смертельно обижался, но, верный долгу самурая, философски сносил унижение, превращаясь в молчаливую тень. Ко многим сановникам Белый Тигр относился строго, порой необоснованно жёстко, но к Мицухидэ – с теплотой и трепетом, добрым чувством едва ли не мальчишеского доверия. Их привязанность друг к другу не ослабевала – чистая, что родниковая вода, восторженная, как душа хмельного.

Как же случилось так, что отважный военачальник позорно бежал от каких-то разбойников? Мицухидэ и сам не мог на это ответить. Конечно, не вид кровавой лужи на полу поверг его в безумный трепет и толкнул к дезертирству. И не Кагасиро он испугался – подумаешь, бандит! Сколько возов он наполнил отрубленными головами таких вот отчаянных молодцов!.. Мицухидэ, наблюдая за *Онна*, кожей ощутил нечто такое, что было ему непонятно, и не знал, как этому противостоять. Вероятно, имея он достаточно времени для медитации, тайна сия открылась бы даровитому полководцу, выросшему при храме Атидзен на горе Курама.

Комендант павшей Кофу, мучаясь приступом клаустрофобии, чтобы отвлечься и забыть про недуг, бормотал длинную *мантру*.

Они вошли в большое помещение с множеством расходящихся узких и широких туннелей, сквозь скальные проломы пронизанное золотисто-синими лучами лунного света. На стенах у входа в каждый туннель были выцарапаны символы, их смысл знали лишь монахи. В железном кольце под каждым входом были установлены факелы, но пока ни один не горел. Сендэй недоверчиво оглядел озабоченные лица братьев.

– Может, нас не увидели? – предположил Ёми. – Откуда же мы теперь узнаем, в каком туннеле ловушка, а в каком нет? Брат Арата часто меняет их расположение.

Предосторожности служили страховкой на тот случай, если найдутся те, кому в голову пришло бы гнаться за посвящёнными. В одном из широких ходов блеснуло что-то, напоминавшее жемчужину, потянуло ароматом хризантемы, Мицухидэ обрадованно замахал руками:

– Эй, сюда! Я подумал...

– Тихо! – прервал Сендэй, его птичьи глаза недоверчиво блеснули.

– Верно, померещилось?! – отмахнулся Мицухидэ. – Кроме сумасшедших, как вы, никому там находиться!

Увиденное в темноте могло быть отсветом луны и звёзд, или бликом от ледяных сосулек, капавших с потолка, или просто игрой воображения. В подобных местах, пронизанных неверным светом, иллюзорного больше, чем реального.

– Не показалось! – громopodobный голос, не мужской, не женский, раздался из туннеля. Зелёно-голубой, отражённый от мокрых сталактитов, блеск ночного светила заскользил по человеку, вышедшему навстречу. Доспех на нём переливался буйством индиговых огней, на ногах сверкали синие лакированные *цумагакэ* и высокие *гэтта*. Из-за левого плеча торчала усыпанная драгоценностями рукоять клинка. На боках, придавленные атласной лентой пояса *оби*, чернели несколько *сюрикэнов*. На голове причудливый двойной узел: такая причёска характеризовала воинов старой школы, канувшей в небытие вместе с последним мастером *Ита-рю*. По обе стороны маски, вылитой точно из вулканического стекла, ниспадали две тонкие косы с пушистыми кисточками на концах, в больших глазах – ничего, кроме ярости и жажды крови.

Монахи изготовились атаковать, Мицухидэ вытащил из ножен *катану* и *вакидзаси*, но его руки дрожали – *Онна*! Как проникла в туннель? Она ведь осталась в крепости! Их двое?

– Кто показал сюда путь? – гневно бросил Сендэй. – Отвечай, бандитская рожа!

– Не думаю, что бой между нами – хорошая идея, – в маске отражался оранжево-жёлтый огонь догорающего *чарога*. – Оставьте труса. Обещаю, будет жить. Слово Оннигороши, – она проделала изящный жест пальцами и медленно повернула левую руку в запястье, указав пятернёй на монаха посередине – настоятеля. К нарукавнику сапфирового воина был пристёгнут заряженный *тэппо*, мини-пистолет.

Монахи, мастера *дзен*, расслабленно ждали, готовые мгновенно и точно отреагировать на любое действие врага.

– Вы совершите ошибку, – повторила назвавшая себя Оннигороши. Она резко присела, и, выхватив клинок, не глядя, ударила назад. Кравшийся монах замер, выронил *катану*. Багровым фонтаном брызнула кровь. Умиравший покачнулся, зажимая обеими руками рану в животе, рухнул навзничь. «Сапфировый воин» отступила в темноту туннеля, выпустила оттуда два *хисякэна* – огненных *сюрикэна*. Одновременно, осознав свои *до*, Ёми и Исами отскочили в разные стороны, метнули в ответ заточенные звёздочки. Внезапно из крайнего туннеля возник ещё монах: «Предательство!!!» – и замер. Отправив Мицухидэ с Исами, Сендэй громко свистнул.

– Будь проклят, демон, кто бы ты ни был! – процедил настоятель храма. Вытащив клинок, выкинул потухший задымивший *чарог*, рванул на Оннигороши. Ёми следовал за ним.

Из отверстий в потолке слышались голоса и шуршание одежды, показались монахи *нитирэн*; они быстро протискивались между камней, и, зажигая друг другу факелы, обнажали клинки.

Мицухидэ нёсся без оглядки, стирая до крови локти об узкие стенки туннеля, пропахшего духом земли и сырости.

– Бежать – нет смысла! – хохотала Оннигороши.

В дыры стен сверкала платиновым блеском сталь, отражая удары монахов, бросавшихся отовсюду. Но демон был не один. Бандиты, словно в них вселились злые *сикигами*, сейчас захватывали туннели, смеялись, истошно визжа – они в тайных убежищах монахов Минобусан!

Получая смертельные раны, те и другие валились, отлетали, глухо стучаясь о камень. Мицухидэ чудилось, будто людей поражали серебристые лучи. Клинок *тати*, неистово вертевшийся в руках Оннигороши, не оставлял и мизерного шанса на выживание, сея смерть. Монахи грозно ревели, оглашая туннели, словно били в барабаны *тайко*, устрашающе орали бандиты. *Онна* преследовала только одного человека – только его, Кено Мицухидэ! Лязг мечей, протяжные стоны и крики ярости следовали за ними по пятам.

Генерал, хрипло дыша, споткнулся, и, стукнувшись лбом о сталактит, упал. Искры вспыхнули в глазах, но даже на миг не осветили сузившийся проход. Туннель впереди, манявший надеждой на спасение, оказался сжат, точно тиски. С болью в ушибленной голове, слезящимися глазами, Мицухидэ пополз на четвереньках. Призывая на помощь Будду, задыхаясь и рыдая, причитал. Он опасался отверстий в стенах – в них мелькали огни факелов, серебристые шлейфы, оставляемые резкими взмахами клинков; через них доносились отчаянные вопли сражающихся и навязчивое звяканье доспеха неотступного, словно рок, Оннигороши.

– От лунного света не сбежишь, Мицу-кисама! – хохот Сапфирового Воина – издевательский, пронзительный, словно ветер с гор. Эхо прокатывалось по туннелям снова и снова.

Смерть, вопли и кровь, казалось, питали дьявола-убийцу, придавая ему силы.

Крики утихли, но лязг оружия и шелест одежды не пропали. *Онна* сражалась только с одним монахом. С настоятелем храма Минобусан, Сендэем.

Мицухидэ выбрался из туннеля на канатный мост, внизу, сквозь огромную трещину, увидел выбившегося из сил окровавленного Сендэя. Монах отступал к зияющей чернотой пропасти, за ним медленно продвигалась неотразимая как смерть демонесса *Онна*. Дух настоятеля был невозмутим – даже на краю гибели, раненый, он отбивался и нападал. Комендант прошёл мост и потерял обоих из виду. Наконец воцарилась тишина, нарушаемая лишь уныло свистящими сквозняками. В любую минуту страшная *Онна* могла выбраться из трещины, поэтому беглец обрубил канаты моста.

В следующем туннеле пол скользкий, мокрый, крутой спуск с горы. Мицухидэ покатился, и, шлёпнувшись в лужу холодного лунного блеска, отполз, прикинувшись к стене. Тело било сильной дрожью, он ведь основательно промок. Страх сковал руки и ноги, голос будто тоже замёрз. Мицухидэ лишь бессмысленно глядел перед собой.

Сколько он так просидел в темноте и беспамятстве, неведомо. Ужасное приключение из раннего детства, позабытое и похороненное, как мнилось ему, в водах утекшей реки, нахлынуло вновь, и никуда не убежать от него, потому, что не убежишь от самого себя. Тогда, давно, мальчишка лет пяти, Мицутти потерялся в лесу и нечаянно стал свидетелем синтоистского обряда, как показалось ему, общения с настоящими огромными духами, пылающими алым и ультрамариновым сиянием. Для его неокрепшего умишка справиться с ужасом увиденного, театрального по существу действия, было невозможно, и... Мицутти долго не мог говорить, не мог ходить на подгибающихся ножках, страдал от стыдной болезни. Отец и мать отдали его за много *ри* от дома в храм Атидзэн на горе Курама, чтобы Будда исцелил. Постепенно страшное забылось... но не исчезло вовсе.

Из темноты вышла *Онна бугэйся*. В свете луны её ультрамариновое тело выросло до исполинского размера.

– Их не терзала тоска по акру плодородной земли, – издевательски артистично мурлыкала она, – и по блестящему на солнце плугу, по семенам и по ветряной мельнице, помахивающей крыльями, потому что они – *МЕРТВЫ*...

Острые окровавленного клинка упёрлось в грудь Мицухидэ, легко уколов. Генерал не шевелился, слёзы застилали глаза.

– Убей меня! – попросил он жалобно.

Слепил свет, отражённый сталью длинного меча *Онна*. Комендант видел, как призрачная молния пробежала по лезвию в месте, где отточенная закалённая кромка встречалась с гибким

металлом сердечника, разглядел узор, которым оружейник украсил эту линию. Он, самурай, трусливо зажмурился, до смерти боясь быть зарезанным женщиной, как те несчастные жертвы из детского кошмара!

– Что ты знаешь о смерти? – вдруг спросила *Онна*, усмехнувшись, опустив клинок. – Какое выражение на мёртвом лице? Хотел бы ты увидеть *СВОЁ* мёртвое лицо... когда дух выйдет вон из тленного тела и *ТЫ* станешь *ками*? Ожесточённость, страх, тревога или тщеславие – исчезают, словно их не существовало. И ты никогда более не облачишь в доспехи своё тело!

Зачарованно затаив дыхание, Мицухидэ следил за врагом.

– Можно затаиться на далёком острове или непрестанно скитаться по свету, как туча по небу, а волна – по реке, но истинным Просветлённым от этого не станешь, если ты будешь кривить душой, если продолжишь служить *НЕЧЕСТИВОМУ* Ёсисаде Хадзиме!

– Не-ет, хуже смерти предательство! – прошептал Мицухидэ. – Клянусь, что сам убью себя, если ты не прикончишь меня сейчас!

– Клятва и *харакири* – не для тебя! – раскатисто рассмеялась *Онна* *бугэйся*. Не произноси, если не способен отдать жизнь. Ты возглавишь большую армию и сдашь её Оде, тот пощадит вассала Ёсисады... Помоги камням благого правления!

Осознав, что на этот раз останется живым, Мицухидэ воспрял духом. Зашевелились руки, отогрелись ноги.

– Если не выполнишь приказание, я *СНОВА* найду тебя, – жёстко пообещала *Онна*, приподняв меч. – Как выйдешь в комнату с полом, устланным вереском, сверни в крайний правый туннель, садись на коня и отправляйся к своему Ёсисаде, старый *оннагата*.

Выбравшись из вечной мглы холодных туннелей, верховой, Мицухидэ уныло спускался к океану. Камни осыпались из-под копыт. Горы Яманаси утопали в ярком янтарном свете и тишине.

Глава 2

Шаманка, Казуми-ёси жила на южной окраине Кавасаки на побережье Восточного моря Токай. Её хижина отличалась от рыбацких *гёка* ещё большим убожеством. Казуми-ёси жила без мужа и не имела детей. Будучи «*дваждырождённой*», она знавала только духа *маребито*, ради которого Казуми-ёси воткнула в крышу стрелу с белым оперением. *Маребито* приходил и уходил, оставляя её физически истощённой после долгого экстаза. Когда к ней обращались за советом или за помощью в делах загробных, шаманка угощала духа рисом и *саке*, призывая *ками* войти в священную колонну, что стояла в небольшом капище во дворе под кронами двух кривых сосен, и сама, причастившись угощения, мило беседовала с «гостем».

Сегодня утром её мучило неприятное предчувствие и мерзкое состояние подавленности – будто призрак смерти, выискивая больное место, простёр над ней крылья. Казуми-ёси, несмотря на маленький рост, не была женщиной слабой. Но годы брали своё.

Раз за разом духи сообщали ей страшные вести о недалёком будущем. Озабоченная, шаманка поторопилась встретиться со своим *нэги*, помощником, который исследовал свойства маслянистых пятен, появившихся на рисовом поле. Тот подтвердил: странные пятна говорят о пробуждении демона *Бо*: мать-земля плачет маслянистыми пятнами от его тяжёлой поступи, и вскоре суша сотрясётся, и Ямато поглотит большая волна. Спаситься от цунами людям поможет благочестивый *Тэнно* Нинтоку Тода, к счастью, объявившийся совсем недалеко – в Эдо. *Тэнно* нужно непременно сообщить это известие, и он, конечно же, поспешит исполнить подобающий ритуал...

Люди же говорят, *предсказатель своей судьбы не знает*...

Выпив цветочного вина на дорожку, Казуми-ёси беззаботно шла по старой тропе к южной окраине Эдо, ритмично переставляя ноги и опираясь на деревянную трость. До столицы не близко!

Побережье океана устилал бледно-серый туман. Густыми клубами он проник в залив Сагами и поплыл в Кавасаки. Городок пропал во влажной дымке.

На пути в Эдо шаманка встретила дюжину патрульных, вооружённых *мицудогу*, шипастыми древковыми орудиями усмирения буйных дураков с мечом. Они устало брели, попивая из кожаных фляжек.

Обычно Казуми-ёси сторонились – отвечая на грубость, старая карга могла проклясть, и тогда пришлось бы олуху несладко, но в хмельном состоянии шаманка была приветлива.

Патрульные весело поговорили с ней, указали короткий путь, расстались, довольные друг дружкой. Хмель нагнетал сон – шаманка всё медленнее передвигала ноги, чаще останавливалась и отдыхала, повисая на трости. Наконец, сойдя с тропы в заросли высокой травы, Казуми-ёси легла на бок и заснула в тени.

Проснувшись от того, что сердце внезапно сдавило – интуиция никогда не подводила шаманку, даже в состоянии сна. Серая вечерняя мгла выпустила на дорогу бесшумно ступающих людей в одинаковых бурых *синоби созоку*. Один из них отличался одеждой городского чиновника и шёл впереди.

Начался дождь. Казуми-ёси заторопилась укрыться под крону одинокого дуба, растущего у развилки.

Старые ноги долго несли шаманку к столичному граду нового *Тэнно*, и уже на самом подходе к Эдо давешние полицейские нагнали Казуми-ёси. Странное и весьма забавное зрелище предстало перед ней! Четверо полицейских с понурыми головами несли всё вооружение отряда – все двенадцать длинных железных палок. Ещё двое, следующие за ними, плавно переступая, тащили паланкин, в каких слуги переносят господ. Остальные шестеро, отдуваясь и пыхтя, позади процессии волокли на бамбуковых носилках спутанного пораненного коня...

* * *

Красно-оранжевый диск солнца садился в бело-серые облака, после дождливого дня стволы в бамбуковом лесочке напротив трёхэтажного дворца императора Эдо становились алее. Просёлочная дорога, та, что проходила между рисовых полей, бурой грязью выделялась посреди омытой зелени. В сгущающихся малиновых сумерках надо всем Эдо разливалась темнота, и лишь стрёкот насекомых приветствовал близкую ночь. Резче очертились стволы красных сосен, увитые тёмно-зелёными стеблями китайского лимонника.

Советник императора Тоды, Мотохайдус, обладал богатой фантазией. На синеем фоне далёкой горы Фудзи, величественно проступающей из тумана, сосны казались ему рубиновым ожерельем на шее великана.

– На государственной службе далеко не каждый день позволяешь себе любоваться закатом! – не оборачиваясь, произнёс он по-английски.

– Да, милорд, – отозвался гость. – В государственных делах мелочей не бывает.

– *И дамба разрушается от муравьиной норки*, – поддержал советник. – Продолжим нашу беседу за партией *сёги*, капитан?

– О, ваши шахматы – странная игра!

– Чем же?

Гость-европеец пожал плечами.

– Необычно как-то... использовать срубленные фигуры соперника для заброса в стан врага и атаки.

– Вы *срубаете*, а мы *берём в плен*, и воины просто становятся *сакиката*, меняют господина. Такова реальность здесь, на островах.

– Кстати, милорд, мой шкипер, побывавший вчера в «Тростниковом поле», рассказал презабавную новость. В Хаконэ разбушевался один конный высокородный *акүто*, подъехавший со стороны «Горящей гавани»; срывая гневное расположение духа на местном начальстве, он порубал стражников. Посланный же на усмирение полицейский наряд смог подступиться к этому самураю, оказавшемуся важной шишкой, только покалечив скакуна... В итоге сей достойный господин не только въехал в столицу на плечах ретивых полицейских, но застал их без малого пять десятков миль нести раненное животное на руках. Каково!

– Наслышан, наслышан. – Ухмыльнулся *кампаку* Мотохайдус. – Несчастный господин Кено Мицухидэ побеждён и нелепо унижен... Вряд ли *сёгун* на этот раз доверит фавориту знаменосцев генерала Хавасана.

– Зато *куни-сю* получают необычайно искусного командира!

– Да, – раздумчиво протянул Мотохайдус. – Недруги наши строят козни... Подкупают разбойников и подсылают шпионов... опасно человеку находиться вне дома в ночное время, а в доме государственного служащего ещё опаснее.

– Что же, милорд, разрешите отбыть на судно? – склонил голову капитан.

– Передайте, вот, нашему другу, – советник отстегнул кошель. – Буду рад встретить вас в добром здравии завтра, лорд Коридвен! – поклонился Мотохайдус.

Решив, что и на сей раз не стоит терять времени на созерцание красот, советник вошёл в свою комнату и запретил страже тревожить его занятую персону по пустякам. От природы Мотохайдус был не добрым общительным человеком, но иногда полагал полезным им казаться – мог безо всякой причины облагодетельствовать медяком служанку, или заговорить с обыкновенным охранником о жизни, или пошутить; в отличие от генералов, он разрешал стражникам переговариваться между собой во время караула. Но чаще всего, понимая важность своего поста в глазах подчинённых, советник императора Тоды старался быть жёстким и строгим, под стать *сёгуну* Ёсисаде Хадзиме.

Кампаку Мотохайдус не только контролировал чиновников высоких должностей, но и, как высокообразованный архитектор, разрабатывал проекты крепостей по китайской строительной науке. Не сомневался он, что владения Нинтоку Тоды расширятся далеко на юго-запад, и крепость Эдо обязательно станет символом вечного могущества эпохи *Го-Нара*... И для этого, напомнил себе советник императора, он должен постараться переиграть одновременно обе враждующие стороны в политические шахматы... Неспроста принял Мотохайдус и нынешнее имя – *комодзинское* звучание нравилось ему: *motor hard* означает *жесткий, усердный двигатель*. Оттого и не страшился плести интриги он, *ямабуси*, практикующий «большое отшельничество», оттого же пала вражда между ним, Идзу Мотоёри, и нынешним настоятелем храма Минобусан, Сендзем... учеником, узнавшим чужую тайну, и учителем, который не смог её оберечь... Одно к одному... *Дао*.

Итак, ход сделан. И это будет та самая муравьиная норка, что поможет естественному течению событий снести дамбу.

Яркий жёлтый свет большой лампы, укрепленной на стене, мерцал на его круглом бритом лбу, отражался от керамической спицы-заколки в чёрных, как смоль, волосах, высвечивал на полном лице бледно-коричневые круги под глазами. Он провёл над чертежом долгое время, а проект по-прежнему не нравился: отсутствовала важная часть, чувствовал Мотохайдус... И вот она – начищенный до блеска медный квадратный щит!

– Медное зеркало... – по привычке чиновник бормотал себе под нос, – станет необычным средством защиты; с помощью отражённых им солнечных лучей крепость ослепит приближающееся войско, а ночью щит превратится в мощный лунный прожектор... который сможет послужить и маяком. Только бы выдержали опоры!

Советник крутанул уставшей шеей, недовольно поёжился. Перестав улавливать глухие голоса охранников за ширмой, задержал дыхание. Сердце забилося чаще – слишком тихо, охрана словно исчезла. Заметил дрогнувший огонь лампы, понял: пора!

Бесшумно вынув из ножен *катану*, Мотохайдус приставными шагами обошёл комнату и осторожно раздвинул *фусума* с другой стороны. Два охранника-*ёдзимбо* лежали на полу, обоих умертвили чёрные *сюрикэны*, пущенные в лоб. Рядом, свалившись на бок, ловил воздух открытым ртом неизвестный *синоби* в буром одеянии. Советник нагнулся разглядеть лицо ночного гостя. Выпустив из ослабевшей руки метательный кинжал, лежащий тут же, *ниндзя* держался за горло. Так и замер. Глубоко в затылке сидел дротик, лилового мелкими перьями.

– *Уэсама*, пожалуйста, не выходите из комнаты, враг не один. – Смутно знакомый встревоженный голос раздался с балкона на другой стороне коридора. Быстро и неслышно ступая, высокий человек статного сложения шёл навстречу советнику. Непринужденность в движениях и отсутствие напряжения выдавали искусного воина. Присев возле мёртвого *ниндзя*, он осмотрел запястье и заключил:

– *Кога-рю*, южная школа. Фехтовальщики слабые, зато искусны в отравлениях и других пакостях.

Изображая неожиданность случившегося, советник молчал, будто язык проглотил. В общем-то, Мотохайдус и вправду рисковал жизнью, но свято доверился собственному священному Пути.

– *Уэсама*, охрана дворца неэффективно расположена! – продолжал гость с нарастающей тревогой в голосе. – Военное положение – не причина ослабить защиту. Жена и сестра императора в Ямагате – мой брат Лао, надеюсь, не допустит проникновения врага и на одну *ри*.

Свет заплывавших огней масляных ламп позволял разглядеть гостя. На нём были *таби* и длинные серые *хаками*, мешком провисавшие от колен и туго затянутые у щиколоток. На боку за широким атласным поясом закреплены ножны короткого меча, под ними висели два кинжала, на рукоятках которых отсвечивали перламутровые головки. Лиловая *катагина* распахнута на крепкой груди, белеющей косыми шрамами. Сильные жилистые руки смугло поблёс-

кивали глянцем, стальные нарукавники, украшенные синим узором лотоса, утолщённые на запястье. На голове обычная чёрная шапочка *эбоси*. С левого плеча спадала короткая толстая коса, кое-где седеющая, отливающая серебром, завязанная коричневым ремешком, похожим на тот, каким кузнец охватывал свои волосы на затылке. Спокойный взгляд голубых глаз скользнул поверх головы советника, вдруг стал сосредоточенным, немигающим. На овальном красноватом лице явилось напряжение, на лбу – испарина, строгие черты застыли, глаза из-под выющихся бровей сверкнули сапфирами. По его тонким тёмно-алым губам Мотохайдус прочитал:

– ... пригнитесь!

Резко повалившись на пол, императорский советник ощутил лёгкую воздушную волну над головой, услышал: сзади кто-то глухо ударился о стол, свалил зашуршавшие чертежи и глиняную чашу с водой. Советник оглянулся. Кинжал торчал в груди чужака в чиновничьем платье, незаметно оказавшегося в комнате...

Облегчённо вздохнув, Мотохайдус встал.

– *Аригато*, Зотайдо Шуинсай, мастер.

В дневное время Лао, брат этого воина, тренировал *какаэ-суппа* для армии императора, в ночное – следил за покоем внутри дворца. Лао и Шуинсай принадлежали к роду Абэ Юудая, мелкопоместного *сёмё*, японского колониста, реэмигрировавшего из Кореи от угрозы монгольского владычества. Советник вспомнил, *зотай* – их родовое искусство джиу-джитсу, сложившееся уже на новой «старой родине». Со своими учениками Зотайдо Лао вёл тайное наблюдение: в последнее время, не считая шпионажа соседей и союзников, участились проникновения *синоби* юго-запада на территорию Эдо. Однажды на Мотохайдуса и впрямь покушались наймиты местных опальных Ходзё, родичей нынешнего *сёгуна* по материнской линии, но молодцы Лао оказались на высоте.

– Как злодеям удалось пробраться во дворец? – Мотохайдус тужился изобразить растерянность. – Во второй раз Зотайдо спасают мне жизнь! Не знаю, как благодарить вас. Скоро возвращается Ёсисада Хадзиме... Нинтоку Тода, их Непревзойдённое величество давно поговаривали о приближении семьи Зотайдо ко двору. Её благородство, сестра императора, Суа-химэ, юная невеста *сёгуна* возжелали продолжить обучение смертоносному искусству. Очень способная ученица – ваш брат подтвердит мои слова, поскольку собственной персоной испытал её на *татами*. Около четырёх лет над Суа-химэ работал мастер Кендзо.

Кивнув, Шуинсай согласился:

– Если старший из круга мастеров, последователей легендарного Джубея, уверен в ней, то я сочту за честь обучить принцессу Суа особому искусству *зотай-до*.

Со двора донеслись крики и лязг оружия: обнаружили ещё одного противника. Мотохайдус, удивлённый, подбежал к окну наблюдать за происходящим. Мастер Шуинсай зацепил «кошку» на соседнее окно и спустился во двор.

Сдаваться незванный гость не собирался, а взять его хотели живьём. Сбежалась охрана. Этот диверсант не был простым. Он ранил *сюрикэнами* двоих неосторожных, обездвигил ещё троих охранников. И по тому, как выглядел, как защищался, орудуя мечом, стало ясно: он лидер группы. Мастер Шуинсай, зарядив трубку усыпляющим дротиком, хотел выстрелить, но вдруг...

– Шиничиро, а ты что здесь делаешь, поганец? Я же настрого запретил ходить с нами. Двадцать ударов бамбуком!

– Нет, пап, я докажу – я способный ученик и достоин воевать за императора, – торопливо проговорил мальчишка. Худой, в тёмно-синем кимоно, расшитом золотистыми драконами, подросток, что сидел на изогнутом стволе сакуры во дворе, похоже, был сыном мастера.

– Сколько раз говорил: не называй меня «папа»! Я – твой наставник! – сквозь зубы выдавил Шуинсай, не выпуская из вида вражеского *ниндзя*.

Поправив сползшую левую *таби*, Шиничиро прыгнул, взметнул клинок и с криком рванул на вражеского диверсанта, который чуть замешкался, наблюдая необычную сцену. *Ниндзя* парировал удар, но внезапно покачнулся, потеряв равновесие, ослабел, поражённый быстро действовавшим паралитическим веществом дротика. Охранники окружили его, схватили за руки, повалили на землю.

Мотохайдус, зная наперёд всё, что должно произойти, удалился с балкона в свои апартаменты.

Откуда ни возьмись, посреди ночи во дворе появился *мэцукэ*, чиновник тайного сыска.

– Где начальник охраны Зотайдо Лао?

– Отбыл вчера в распоряжение *тайсё* Хавасана по приказу *родзю*, – пояснил Шуинсай.

– А кто вы? – *мэцукэ* уставился на Шуинсая изучающим взглядом.

– Зотайдо Шуинсай. Брат велел мне проверять караулы, пока он отсутствует.

– А кто из вас расставлял *ёдзимбо*?

– Я – Фукуро, сегодня замещаю управляющего охраной дворца, – виновато проговорил *хантё*, потупив взгляд. В темноте бледнело его осунувшееся лицо: он допустил проникновение во дворец врага. – Сейчас же проверить охрану, усилить! – рявкнул он.

Двое *тайтё* свистнули по очереди, собирали сбегавшихся телохранителей.

– Прошу вас не... – взмолился Фукуро, вглядываясь в лицо полицейского чиновника с таким жалким видом, словно крестьянин в лицо священника, не желающего взять поминальную записку.

– Что делать с пленником, *доно*? – спросил Фукуро Шуинсая.

– Отнести в подвал казармы, покрепче связать, – посоветовал мастер, сердито глядя в этот момент на Шиничиро, который зашмыгал носом, будто простывший.

Опустив голову, юноша скривил губы и замер, не поднимая глаз, в голосе отчаяние:

– Я... помочь хотел. Я... занимаюсь столько же, сколько и остальные. Что я – как все? Не берёшь меня никуда, – вскинув руку, он дотронулся до уха. Когда юноша нервничал, уши горели и чесались, проклятые.

– Ты не готов! – топнул ногой Шуинсай так, что песок взвился пылью и сипло крикнул в саду ручной филин. – Следил за мной?

Шиничиро промолчал, ошарашенный, умело убрал клинок в ножны, захлопал длинными ресницами, янтарно-серебристыми в мягком свете полнеющего месяца.

– Почему не готов-то?.. – холодная противная дрожь охватила Шиничиро, бросило в пот. Голос не слушался, перебиваясь всхлипываниями.

– Завтра не опоздай! – жёстко предупредил отец с отрешённым видом, но не смог более скрывать тревогу под личиной спокойствия, рассержено прошипел: – Не придёшь – наказание будет строже. Отправлю за тобой!

– Не приду! – вскинулся Шиничиро.

Мастер сжал губы – удержаться бы от сердитого ответа.

Сын продолжил; голос прозвучал чуждо, в мигающих глазах блеснули слёзы:

– Ты и твой брат – болваны, и тренируете болванов, тренировка полнейшая глупость, только время теряю зря. Есть школы сильнее, умнее, лучше вашей, живут по другим правилам... У меня есть *танка* и *хокку*, и на музыку я их...

– Ни слова про стихи! – рявкнул мастер. Схватил сына за ворот кимоно, встряхнул и ударил по щеке ладонью.

В ответ Шиничиро ударил отца в плечо кулаком, оттолкнул, пробормотав что-то невразумительное – гнев и досада! И вдруг спохватился: поднять руку на мастера, тем более на отца – преступление! Он отбежал, ойкнул, исказившись в лице, окатил удивлённо наблюдавших стражников помутившимся взглядом. Как юноша ни был искушён в тонкостях искусства хитрить и притворяться, однако смятения скрыть не сумел.

– Прости, – лепетал он, боясь приблизиться; резко повернувшись, пустился наутёк. Шуинсай раздосадованно махнул рукой.

Супруга Шуинсая, Шина, с чуткостью любящих натур всегда угадывала возвращение мужа и не спала, когда слышала тонкий звон колокольчика над *одо*, входной дверью, и тихий скрип раздвинувшихся *фусума*. Перегородки разъехались, и за ними, придерживая створки, стоял Шуинсай, чувствующий себя так, будто его прилюдно отдубасили. Шина поднялась с циновки, подошла, обняла, поцеловала, её глаза горели влажными агатами. Шёпотом заговорила:

– Шини-тянь забежал и выпил суп, обещал, что не пойдёт никуда. Он спал в своей комнате. На всякий случай я спрятала от него тренировочное кимоно и штаны. Потом я обнаружила, что исчезло то, красивое, что подарил ему Лао... В кого он пошёл? Не в твоего ли брата? Такой же своенравный.

– Но слаб духом и телом, – согласился Шуинсай, невольно поглядев на фамильную реликвию семьи Зотайдо – клинок *рюкозука-ро* в ножнах, обтянутых бархатом. Предмет гордости возлежал на подставке в *токонама*, священной нише. В оформлении не использовались самоцветы, но сам клинок являлся драгоценным: предки передавали его из поколения в поколение, как память о доблести рода Абэ.

– Я заслужил клинок, – жёстко произнёс Шуинсай. – И мой сын должен заслужить. Фамильным клинком дома должен обладать достойный, сильный волей и телом.

– Лао предпочёл сражаться *катаной* и *нагинатой*, а хранителем семейных реликвий оставил тебя. Душу нашего сына, Шини-тянь, влечёт к поэзии, а не к войне – может быть, ты к нему несправедлив, *данна*?

– Чтобы мой сын вытворял то же, чем промышляют презренные?

Камень, лежащий на дне потока, не выпирает над водой, но создаёт завихрения и водовороты. Разочарование Шуинсая от внимательной и чуткой Шины скрыть оказалось трудно. Его лицо пылало, плечи – бессильно опущены, взгляд – пустой и потухший. Шина приласкала мужа, как ребёнка. Её веснушчатое лицо лучилось, тепло груди под белым ночным *юката* передавалось мужу. Шуинсаю сделалось спокойнее, осталась лишь лёгкая слабость.

– Шиничи вернётся, возможно, не к завтрашней тренировке, но обязательно увидим его скоро, – пообещала она, проведя пальцами по прямому подбородку мужа, коснувшись чуть приоткрытых губ. – Голоден, любимый?

Керамическая корчага с горстью тлеющего древесного угля дарила уют – ночи в Ампаруа прохладные, с океана дул ветер. По комнате распространялась мягкая усыпляющая теплота, смешанная с душистым ароматом варёного в сое шпината да икры сельди в сладком маринаде. В *котацу* тушились: батат, размятый с бобами, фасолью и каштанами, а так же *скияки*, приготовленные по особому рецепту.

Муж и жена сидели друг напротив друга на циновках. Разговаривали.

Перед окном раскинулся цветник, отделённый от остального сада. Пряный, смешанный аромат лилий, гелиотропа и гвоздики – вливался волною вместе с ночным свежим воздухом, кружил голову, заставлял кровь сильнее приливать к сердцу и вискам.

Луна, словно выкованная из неровного золота, блестела над Ампаруа. В недвижимом воздухе слышалось шуршание насекомых в траве. Всё вокруг тихо роптало, засыпая в тёплой ночи.

Глава 3

Разбуженный перекликаньем птиц и треньканьем кузнечика, сквозь пелену сна, медленно сходящую с глаз, Шиничиро увидел зелёные и жёлтые стволы бамбука; муравьи бежали по ним чёрными цепочками вверх и вниз. Пронизывая рассеянными лучами цвета шафрана густоту поросли, лился солнечный свет. Земля – чуть влажная, присыпанная коричневой щепой и редкой оранжево-зелёной листвой. Юноша подскочил, заплясал на месте, забрался рукой под кимоно и вытащил двух крупных муравьёв. Увидев поблизости их целые полчища, кишачие живыми агатами, Шиничиро вздрогнул.

Проспал!? Скоро тренировка, благо живот – пустой! Да ещё ведь наказание бамбуковыми палками!

– Вы – ученик мастера Шуинсая? – послышался голос. В обрамлении перистых папоротников появилась голова в широком воронковидном шлеме. Посланник из *додзё*. – Я устал вас искать!

Шиничиро не ответил, только глубоко вздохнул. По тропинке, усыпанной мелким щебнем, он дошёл до синтоистского храма. Обогнув строение, взбежал на холм. Оттуда виднелась нежно-синяя беспокойная гладь океана, густо пенящаяся у берега. Бурыми охапками лежали в белой пене выброшенные водоросли морской капусты. Протяжно крича, кружили над водой белые крупные чайки, вглядываясь в блуждающую бирюзу воды; то и дело камнем срывались в неё, выхватывая неосторожную рыбу. Выдернутая из воды рыба, сверкающая серебристой мокрой чешуёй, будто обработанный алмаз, мягко сияла, пока её не заглатывала хищница. Рыбаки на берегу – одни сушили и чинили сети, другие сидели вокруг костра, громко хохотали, ждали, когда на слабом огне пропечётся добыча.

Ветер наскочил на Шиничиро, обдув опухшее со сна лицо, взлохматил чёлку, превратив волосы цвета воронова крыла в разворошённое гнездо. Юноша не спешил на тренировку. Занятие сегодня вёл не отец, а его помощник – Йиро. *Чичиуэ* наверняка проведёт ещё немало дней в Эдо.

Сиганув с холма, мальчишка быстро бежал к шумящему прибою, слегка проваливаясь в серый морской песок, в котором попадалось множество ракушек, до снежной белизны отмытых солёным накатом. Юный сорванец упивался полнотой жизни – на бегу проделывал серии ударов, уклонялся от нападения невидимого противника, избегал, маневрируя, воображаемые летящие звёздочки, кувыркался, принимая то одну, то другую боевую стойку, подпрыгивал, рубя с вертушки встречный ветер... И вот тёплые солёные брызги отлетели в разные стороны! Ворвавшись с разбега в океан, Шиничиро нырнул в волну... На губах едкая пряная соль, руки и ноги слегка покалывало, а сильные и ровные удары сердца наполняли грудь упоительным вдохновением.

Выходя из воды, он обнаружил нескольких элитных воинов-*хатамото* в красно-фиолетовых накидках. Откуда было знать отпрыску деревенского самурайского рода, что воины сопровождали сестру императора – Суа! А если бы и знал...

Юноша с любопытством разглядывал крепкую высокую изящную девушку в ярко-голубом кимоно, выполняющую *ката* – плавные движения руками и ногами. Сами собой рождались в голове красивые строки – стихи. Жаль, что при себе не имелось ни *сямисэн*, ни *бива* – спел бы песню...

Приятная нежная мелодия исходила из чуткого сердца юноши, соединялась с шепчущими звуками прибоя. Слушая тоскливые крики чаек словно музыку, он понимал, что озарение – начало творчества, – наделяет человека индивидуальностью, поэтому не собирался поддаваться отцу и не променял бы свой поэтический дар ни на что.

Шиничиро мог полоснуть кого-нибудь насмешкой, острой, как бритва, но истинного вреда не причинил бы. Не хотел быть юноша ни чёрствым солдафоном, ни, тем более, хладнокровным убийцей. Его душа чуралась жестокости, шумных ссор и молчаливой гнетущей тревоги, способной вогнать в отчаяние. Окрылённый вдохновением, он стремительно приблизился к Суа. Охрана перегородила путь.

– Ты кто?

Шиничиро, нахмурившись, сделал вид, что не услышал.

– Отвечай! – недовольно потребовал страж, большим пальцем выдвинув клинок из ножен.

– Вы что, вдесятером наброситесь на одного безоружного? – юноша презрительно задрал подбородок. – Я лучший ученик *додзё* Ампаруа, никто мне не указ!

Шиничиро умел мгновенно оценивать тон беседы и действовать по ситуации. Он, хотя и волновался, но голос прозвучал уверенно. Под стать голосу изменилось и лицо.

– Пустите мальчика, – закончив *ката*, улыбнулась Суа. – Чей ты «лучший ученик»?

Она оглядела юношу с ног до головы. Там, где его одежда уже просохла, белёсыми пятнами выступала морская соль. Его веснушчатое плутоватое лицо, обрамлённое копной волнистых волос, показалось девушке знакомым.

Обычно, если не мог совладать с эмоциями, юноша суетился – крутил головой, дотрагивался до ушей, сжимал руки в кулаки, но теперь собрался.

– Лучшего мастера во всём Канто, – надменно улыбнулся Шиничиро. – Глупо называть известное имя.

– Ты – наглец, и не более, – спокойно заключила Суа, сложив губы в узкую полоску. Сверкающая ширь океана отражалась искрами в её больших тёмно-карих глазах.

– Тогда проверим?.. – щёлкнув языком, начал Шиничиро плавное перемещение в боевую позицию.

– Знай, с кем разговариваешь! – гаркнул десятник, схватившись за оружие.

Суа подняла руку. Охранник застыл.

– Да, проверим, – кивнула она, вытянувшись в струну. Яркими бусинами блеснули глаза, щёки занялись сердитым румянцем. Девушка повернулась боком и замерла, будто любовалась прибором, не замечая наглого «лучшего ученика». Её стройная сильная фигура вызывающе изящна – настоящая змея! В утренних лучах плечо красиво округлилось под кимоно. – Начинай.

Издевалась?! Шиничиро обуял гнев, всё его существо всколыхнулось – сразиться! Метнувшись с места, юный *ниндзя* атаковал прямым ударом ноги. Она резко отбила удар стопой влево и хлётко выкинула правую руку, чтобы встретить ребром ладони в горло. Юноша с уклоном припал к земле, и, крутнувшись по инерции, подсёк её опорную «хвостом дракона». Девушка рухнула на спину, перекатилась кувырком назад. Охранники схватили Шини. Подошёл десятник – рослый самурай. Искры из глаз вонзились в мозжечок, превратили день в непроглядную тьму ночи. Юноше показалось, что его ослепили, лишили слуха и превратили в тряпичную куклу. Прошло какое-то время, прежде чем он разглядел ухмыляющуюся Суа и услышал издевательский смех охранников.

– Отпустите его, – приказала она. Охранники отошли.

Шиничиро вскочил, кинулся атаковать. Но гнев навредил... пропахал носом по земле. Суа покачала головой и неприятно улыбнулась. От бессилия на глаза навернулись слёзы, но не собирался юный наглец заканчивать бой поражением – снова в стойке, наклонился вперёд, кимоно на груди провисло, оттуда выпал *кодзука*.

Она юркой змейкой ловко поднырнула, подхватила оружие, опередив его.

– Дешёвый трюк, и неумело выполнен, – Суа посерьёзнела.

Отбросив кинжал в сторону, девушка поймала всё ещё оглушённого Шиничиро за растянувшийся ворот кимоно, крепко схватила за шею:

– Заканчиваем бой?

Он ответил, скрежеща зубами:

– Не сейчас!

Слегка оттолкнув упрянца, Суа рванула его на себя, высоко ударила коленкой, а затем опрокинула на песок, будто сноп. Ещё в коротком полёте у юноши перехватило дыхание. Миг, и он лежит поверженный, кровь гулко пульсирует в ушах. В груди – боль, парализовавшая волю. Воздух поплыл перед глазами, обратившись в бледную желеобразную массу, и Шиничиро перестал различать голоса.

Через некоторое время он оклемался: на берегу – никого. Морщась, размял ушибленные места, проверил припухшую скулу, потёр голову. Случайно наступил на свой припорошённый песком ножик, поднял. Превозмогая боль в груди, то затухающую, то снова нарастающую, вышел на прямую дорогу.

Шини быстро прощал обиды товарищам по *додзё*, и не был злопамятным, но всё же пообещал себе отомстить этой девчонке... за позорище? Да нет. Скорее, за обманутые ожидания – хотелось ведь блеснуть, но оконфузился. В таких случаях предмет обожания часто становится объектом ненависти, а свидетели... этим лучше бы и вовсе не родиться!

С такими мыслями выбрал Шиничиро к родным пенатам. За стеной густого кустарника с бело-розовыми цветами виднелись согбенные фигуры в широких конических соломенных шляпах, копошащиеся в отблесках залитых водой рисовых полей. Работали в основном женщины, припозднились в этом году – сажали ростки риса в тёплую июньскую грязь. Рассадив содержимое одной корзины, они, не разгибая сутулых спин, принимались за другую. Какая-то глазастая всё же заметила Шиничиро, издали помахала ему рукой, перебросившись несколькими фразами с соседкой. Вялая улыбка легла на губах юноши: многих он знал. Где-то там работала мама. Односельчанки по цепочке передали ей, что видели Шиничиро, направляющегося в сторону деревни.

Ровная дорога плавно огибала квадратные и прямоугольные обводнённые поля, тянулась вдоль реки, из которой на рисовые чеки отводилась влага, затем прошла под горой Химбэй, именно на этой горе тренировались ученики мастера Шуинсая. По тропе, взбирающейся на гору, он добрался до открытых западных ворот *додзё*. На их крыше сидел изогнутый, как волна, дракон с высунутым языком. Глаза его – злобно прищуренные красные рубины под кустистыми бровями, похожи на глаза дядюшки Лао, когда тот сердится. Выражение продолговатой носатой морды по-волчьи резкое, выжидающее – ну, вылитый дядя! А небо над Ампаруа казалось чистым голубым кристаллом, присыпанным белой пудрой облаков.

Заходить Шиничиро не стал – сторож сразу предупредит Ёиро, который хоть и другом был, но прилюдно не имел права давать поблажек опоздавшим. Ученики тренировались в поте лица – из-за забора доносились звуки.

Обойдя ворота слева, он осторожно шёл вдоль ограды по колючему кустарнику. Тропинка была узкой, а дальше и вовсе обрывалась в сосновый лес, и спуститься по ней могли разве что горные козы.

– Здесь перелезу! – взбодрил себя Шиничиро, плюнув на ладони. – Не бояться, не ныть!

Юноша подпрыгнул, схватившись за толстые жерди. Ушибленные рёбра болели, но он, быстро перебирая руками, улыбался, радуясь собственной находчивости.

Ограда *додзё* высока, около тридцати *сяку* – отвесный склон горы под ней делал принятое восхождение весьма опасным. Потому в этом месте никто не охранял. Шиничиро отважно карабкался вверх, борясь с непроизвольной тягой оглянуться. Тропинка под ним исчезла, внизу проглядывали пики красных сосен, затянутые белым маревом. За забором одна за другой выстроились в ряд хижины-*нагайя*, в которых проживали ученики, и хозяйственные постройки, где хранилось имущество *додзё*, провизия, оружие и доспехи. Он подтянулся, и, вскарабкавшись, spryгнул на двускатную черепичную кровлю хижины, перебрался на сарай,

крытый соломенными снопами на бамбуковой раме, огляделся. Во дворе никого, юноши и девушки тренировались по ту сторону. Шиничиро слез, пошёл в тени забора, намереваясь без лишнего шума, тишком влиться в ряды занимающихся. Вдруг перед ним выросла фигура Йиро.

– Заметил, да? – иронично улыбнулся Шини.

– Отлыниваешь! – длинноногий сильный парень с волосами, уложенными, как подобает самураю, покачал пальцем. Тряпичный засаленный пояс расслаблен на тонких штанах, неаккуратно обрезанных на голени. Бледно-зелёное кимоно распахнуто, смуглая кожа лоснилась на кубиках упругого живота.

– Бывает, – улыбнулся Шиничиро, опустив подбородок, чтобы тот не заметил синяк на правой скуле. – Замолвишь словечко?

– Как всегда, – развёл руками Йиро. – Если кто спросит, скажу, что посылал тебя на рубку бамбука для хозяйственных нужд.

Двое учеников, прибывших из Уравы, посматривали в его сторону.

– Слышал от охранников, твой отец станет тренировать сестру императора.

– Да ну? – не поверил Шиничиро. – Переедет, что ли, во дворец? А нас с мамой бросит... Йиро пожал плечами.

– Государственная необходимость! Всех благородных женщин обучают сражаться на пороге своего дома. Только *нагинатой*, или *яри*... Зачем принцессе ударная техника – не представляю.

– Наверняка, *сёгуна* колошматить, – Шиничиро даже не догадывался, чьих рук дело синяк на его скуле.

– Ты не сильно-то злоупотребляй нашей дружбой! Кое-кто из новеньких доносит... – тихо шепнул Йиро, и вслух добавил: – Мы приступили к занятиям по курсу Лао. Это более высокая стадия искусства *зотай-до*. Мастер Шуинсай говорит, что прохождение новой ступени крайне важно, прошедший его не боится смерти. Лучше бы ты не пропускал занятия, Шини-доно!

– Без совета обойдусь, – отмахнулся Шиничиро, хлопнув товарища по плечу. – И вот что, помощник мастера, – усмехнувшись, обратился он к Йиро. – Я и есть «Смерть».

Он побежал дальше по дорожке, над которой нависали тяжёлые многоскатные крыши *нока*.

Юноша добрался до холма, на нём возвышался двухэтажный *гассё-дзукури*, в котором проживал мастер Шуинсай. У парадного входа, в саду камней, он обнаружил прибывших самураев из дворцовой конницы, и шикарный паланкин. Десятник, оставив коня на попечение слуги, мечтательно наблюдал за юной ученицей Шуинсая. Она поливала цветы из лейки в саду, огороженном бледно-серыми небольшими валунами, а второй ученик, вероятно, её брат, оформлял *бонсай*. Десятник подозвал мальчика и что-то у него спросил, не отводя глаз от девочки.

Шиничиро обошёл дом со стороны сада. *Сёдзи* скрипучие – он раздвинул их медленно. Сняв *таби*, босой ногой бесшумно ступил на пол, устланный тростниковой циновкой. В тишине из комнаты отца слышались голоса. Беседовали двое: папа и кто-то важный. Служанка Рёи, отложив поднос с кувшином *саке* на пол, пала ниц перед сыном хозяина.

– *Вакаданна*...

Юноша пригрозил ей пальцем, мол, сохраняй тишину. На цыпочках он прошёл на кухню мимо раздвижной перегородки комнаты отца, раскрыл жаровню и жадно хватал пальцами кушанье, оставшееся с утра. Ширма была открыта, являя взору площадку, оснащённую под тренировки, и ребят, новичков из окрестных деревень, которым Йиро показывал эффективные движения.

– Стиль *зотай-до* не использует захватов и бросков как самурайское джиу-джитсу. Учись бить. Ваши удары должны быть неотразимы и неуловимы! – наставлял он громко. Подбро-

сив толстый длинный деревянный брусок, вскричал: – Хэ! – отклонившись вбок, вытянул ногу вверх с молниеносной быстротой. Йиро имел великолепную растяжку, завидную для учеников более низкого уровня. Треснувший брусок отскочил далеко.

– Что станет с латником, если вы его так припечатали? Правильно! Латник отлетит, грохнется и больше не встанет. Что станет с разбойником, не носящим брони? Правильно! *Карэ ва индэ ширу*.

Приняв боковую стойку, помощник Шуинсая пояснил, что после сильного, порой сокрушительного удара, не стоило останавливаться, а нужно чувствовать и быть готовым к следующему движению, иначе *аната ва шинда*.

– Если попали по цели, то ваше тело спружинит, если промахнулись – продолжит движение по инерции. И эту инерцию можно и нужно использовать, превращая в дополнительное усилие.

Выбрасывая вперёд то левое, то правое плечо, Йиро проделывал прямые удары руками. Комбинировал их, включая удары ногами. За ним, гулко выдувая воздух и звонко выкрикивая “– Хэ”, вразнобой повторяли юные новобранцы.

У смотровой вышки в центре *додзё* Ампаруа тренировались в спарринге юноши и девушки постарше, которые уже прошли Шуинсаев курс и теперь занимались по системе Лао. За ними наблюдал Чонг-Ву, взрослый низкорослый кореец, помощник старшего Зотайдо. Чонг-Ву был *ронином*, нанятым в ряды *оммицу*.

Система дяди Лао, по которой он готовил «бушующие волны», отличалась жёсткостью и активностью, в ней предусматривались ежедневные схватки между учениками. Младший Зотайдо, добиваясь выполнения на технику, позволял ребятишкам передохнуть после каждого блока упражнений, рассказывал занимательные вдохновляющие истории из жизни самураев, монахов и *синоби*. А старший без отдыха гонял по блокам упражнений и орал ради вящей мотивации. Нередко случались споры по поводу эффективности систем тренировок: Шуинсай настаивал на обучении неторопливом, но качественном, при нём ученики с толком и расстановкой постигают смертоносное искусство, а Лао убеждал, что воинов необходимо тренировать в стремительном темпе, чтобы они в бою действовали интуитивно, спонтанно. Первый шутивно называл второго *Кибиши*, «суровым», а тот в отместку прозвал брата «мягкотелым» – *Хийована*.

– Настоящий воин практикуется в бою, без оружия или с оружием, изо дня в день, закаляется, покрываясь синяками, переживает, победит ли сегодня, не опозорится ли перед соратниками! – как-то сказал Лао. – Какая будет закалка духа и тела, если, во-первых, тренировка не интенсивная, со сказками, во-вторых, синяков мало и тело не приучено терпеть боль?!

– Нет, – покачал головой Шуинсай. – Драчунов, забияк полно. Посмотри: они – несдержанные, чуть что – колотят друг друга не только в спаррингах, но и дома. Истинный *буси* – спокоен, подобно океану в глубине.

Лао быстро выходил из себя, сидел на *татами* раскрасневшийся и недовольный. Никогда они вместе не могли тренировать. Когда у старшего не хватало терпения мириться с убеждениями младшего, он ставил в пример мастера Кендзо и нескольких других, предпочитавших не в меру требовательную методику. Иногда просто спрашивал у брата, мол, почему, если столь правильный, то руководишь деревенским *додзё*?

– У меня их два: В Ояме и Ямагате! – хвалился Лао.

– Хвастун! – хмуро улыбался Шуинсай.

Часто Шиничиро оказывался свидетелем того, как яро каждый отстаивал свои убеждения и ни при каких обстоятельствах не изменял им. Иногда громкие раздражённые голоса ссорящихся слышались далеко за оградой *додзё*. Но братья лишь звучно спорили, ни один не помышлял поднять руку на другого. Их предельно краткое совместное пребывание на тренировке ограничивалось парой колких фраз да нервным смехом и никогда – дракой. Шиничиро,

как всякий любящий сын, верил, что если старший брат захочет помериться силой с младшим, то второй, несомненно, одержит победу. Как-то спросил он у отца:

– Случалась ли схватка между вами?

Шуинсай загадочно улыбнулся и ответил, что старший брат, как соперник – силён и амбициозен, но шансов победить у него мало.

Без необъяснимого восторга, без иронии, Шиничиро не мог вспоминать беседы между ними. Иногда просил Рёи подслушать и вкратце передать содержание занимательных бесед. Она не отказывала: что ей было делать, стоя с подносом за ширмой?

Вспоминая словесные стычки почитаемого отца и любимого дядюшки, юноша не заметил, как жаровня опустела.

Он переоделся и вышел в сад. Выбежал на площадку в то время, когда страж глядел на восточные ворота, в которые мастер Шуинсай провожал гостей.

Йиро поделил ребят на группы. Помощник Шуинсая повёл их к дому из кипарисовых стволов – складу оружия, окружённому вертикально вкопанными плитами с выступами, на которых тренировали навыки скалолазания. Под широким тростниковым навесом одни стреляли из трубок дротиками, из луков *юми*, другие метали *сюрикэны* и кинжалы в деревянные мишени, третьи сбивали кулаки о грубые мешки, набитые рисом или песком.

Свою первую группу он загнал на Колонны Чести и Гордости – длинные толстые шершавые столбы, по которым необходимо взбираться вверх и доставать подтянутый по верёвочному карнизу на самую верхушку хрупкий предмет, затем в целости возвращать его вниз. На ноги ученикам Йиро собственноручно вешал тяжёлые камни – их нельзя было уронить, к рукам тоже привязывал груз. Никому пока не удавалось сохранить «грузы чести и гордости» выше средней отметки в десять футов.

Вторая его группа висела вниз головой, зажав сгибом ног металлическую перекладину, напрягали мышцы пресса: разгибаясь, зачерпывали ковшом воду из одного ведра, а сгибаясь, выливали в другое, привязанное выше.

На скользких камнях горного ручейка третьи тренировали равновесие, но течение оказывалось настолько сильным, что они без конца соскальзывали, падали в воду.

Шиничиро давно присоединился к тем подопечным Йиро, кто карабкался по стене – изображал усердного ученика, пытающегося преодолеть нежелание тренироваться на солнце, – раскручивал «кошку» за «хвост» и забрасывал как можно выше. Но крючковатая железка соскальзывала.

– Что с вами делать, если не дурачиться?! – думал он.

На площадке, истоптанной, запятнанной кровью, не приходило в голову юноше никаких ярких строк, чтобы слагать прекрасное стихотворение. В резких выкриках помощников мастеров, шорохах обуви и шелесте одежды учеников, в глухих ударах, стуке, лязге оружия – музыка мира точно пропадала. Вызывающая блаженный трепет, небывалый интерес и сильное желание творить, она требовалась юноше, как воздух и вода, как соль; без вдохновения, приходящего свыше, Шиничиро не мог упражняться, хоть заколот бамбуком до смерти. Как жаль, что *бива* нельзя брать на тренировки, её музыка воодушевила бы не только самого юношу, но и других, нуждающихся в наитии.

– Опоздал, Шини-кун? Скоро палка треснет на твоей спине!

– Ты, явно, только из кухни, лентяй, а Йиро покрывает.

К нему, сыну мастера, не всегда относились доброжелательно. Чуть свет, начиналась тренировка, а Шини часто появлялся позже или приходил последним изо дня в день, и такая его привычка воспринималась окружающими как пренебрежение, неуважение к учителю. Иногда опаздывал намного. Думал, что опоздание – привилегия, которой обладал только он. Мастер, конечно, наказывал бамбуком, заставлял бегать круги с тяжёлыми камнями подмышками, отжиматься на мелководье реки.

– *Анта*, кто тебя так отделал?

Трое прилежных учеников никак не могли свыкнуться с мыслью, что кто-то воспринимал тренировку несерьёзно, считал необязательной.

– Кто вас троих просто бы сломал! – фыркнул Шиничиро.

– Шиничиро, перестань, а то снова завяжется драка. Не слушай их. Они пытаются тебя рассердить. – Морики нежно коснулась его плеча. Она прекрасно метала *сюрикэны*, и явно симпатизировала сыну мастера. Стройная, с тихим приятным голосом, ласково улыбаясь, девушка глядела на Шини. Морики всячески подбадривала юношу, пыталась оградить, но тот будто не слышал, и вечно поступал наоборот. Оскорбления и насмешки задевали его за живое, но он держался так, что прочим казалось: их упрёки ему – не больше, чем стрёкот кузнечиков и перекликанье чёрных дроздов на изгородях.

– Опаздывать нельзя слабакам, вроде вас! – усмехнулся Шиничиро. И демонстративно растянув шнур «кошки» на вытянутых руках, плюнул на штанину крайнего нарывавшегося.

– Дай ему, Монтаро! – как-то нерешительно предложил Маса.

Парень сорвался с места, занеся кулак для удара, Шини нагнулся, и, подцепив шнуром ноги, дёрнул. Тот свалился плашмя. Двое других решили вместе проучить юношу, но Йиро, перегородив им путь, пригрозил отправкой в свинарник, мол, давно никто не чистил. Поднявшись, Монтаро шмыгал носом, вытирая кровь. Бросив злой взгляд через плечо, пошёл к бочке с водой.

Мериться силами без команды мастера строжайше запрещалось, не совладавший с гневом – сходит с Пути Воина. Возвращать таких следовало немедленно. Бамбуковой палкой.

Благо, отец не увидел...

Выйдя в светло-синем кимоно и широких штанах, мастер Шуинсай позвал учеников рассаживаться на *энгава*. Начался большой пятичасовой перерыв, в который из подсобного помещения дома Зотайдо выставлялись огромные подносы с *нигири* и чашками густого супа из перепелиных яиц и *соба*.

В минуты отдыха и насыщения ученики слушали вдохновляющие речи, интересные истории мастера. Они расположились под крышей веранды, утонувшей в тени сада, на больших циновках. Медленно лакомясь долгожданным обедом, ребята внимательно слушали таинственно-тихому, ровному, как морская гладь, голосу Шуинсая.

Теории, равно как и практики, на тренировках в *додзё* Ампаруа – достаточно. Ценность философии любого искусства боя – в преодолении человеческих слабостей. Ежедневные тренировки воспитывали терпение, закаляли характер, приучали к боли, к преодолению усталости. Они позволяли справиться с трудностями и в жизни, делая человека «несгибаемым перед невзгодами». Слушая мастера Шуинсая, можно было позволить себе удивительную вещь, которую не разрешал Лао. Обычно в первых рядах учеников собирались те, кто любил задавать вопросы или спорить. Там находился и Шиничиро.

– Для мастера главное – техника! – предположил он, когда Шуинсай начал о ней говорить. – И для учеников тоже.

– Вместе с ловкостью и силой, – резонно поправил Йиро, доев рисовый колобок. Он поднял голову и слегка улыбнулся в надежде на похвалу мастера – учитель часто хвалил своего помощника.

– Замолчи, не умничай, – прошипел Шиничиро, попытавшись рукой достать того через спины двух рядом сидящих. Морики легонько шлёпнула пальцами по губам и задержала руку. – Получишь!

Шуинсай, скинув с лица привычную строгость, осклабился, покачал пальцем.

– Дух воина един с Небом и Землёй. Прежде чем пойти путём Неба, надо пройти по пути Земли – научиться элементарному, базовой технике. Так, прежде чем стать гениальным художником, надо научиться держать в руках кисть, рисуя чаши и вазы. Дальше – больше,

под наблюдением, конечно, мастера. И лишь затем вам позволительно идти по пути Неба – творить. Главное же для мастера – не техника, техникой он уже по определению владеет в совершенстве, а Дух – внутреннее состояние, вера в свою правоту, в реальность замысла... Вы меня понимаете, дети?

– Не лезь, коль не знаешь! – заметил Шиничиро, ехидно глядя в лицо нахмурившегося Йиро.

– Сейчас напомню, что тебе полагается за утреннее, – зло бросил тот. Шини надулся, притих.

Морико тоже, заглядывая в недовольное лицо Шиничиро, беззвучно, но выразительно призывала заткнуться.

– Искусство джиу-джитсу возникло неспроста: самураи всегда выходят в доспехах, и вынуждены бороться, ловя момент, чтобы ударить кинжалом в незащищённое место. Вы преподаёте удары. Как пробить доспех или сломать бревно голой рукой? – спросил кто-то из взрослых на задних рядах из группы Чонг-Ву.

– Нравятся фокусы? Тогда научитесь использовать энергию жизни, и вы голыми руками пробьёте самурайский доспех, прочные доски, и даже камни замковых стен, – лицо мастера было нестрогим, добрым.

– Энергия жизни слаба, – заявил тот же голос. – Твёрдое и крепкое умирает, мягкое и слабое живёт... – так гласит теория. – Но в бою трудно сохранять бесстрастность и не поддаваться гневу или страху! Это мешает – победив одного врага, нельзя мгновенно переключить внимание, чтобы отразить выпад другого!

– Умение мгновенно успокаиваться и сосредотачиваться на главном, чего так долго и настойчиво добиваются наставники *буси-до*, на самом деле зависит только от одного – от правильного дыхания... Знаете что, я открою вам тайну: вдыхайте пламя! Солнце – сосредоточение грубой огненной силы, которая одновременно и мягкая, тёплая, когда тебе прохладно, приятная взгляду, как шафренные отблески на воде рисового поля... В сражении вы – средоточие энергетики мироздания, проводник силы солнца. Раскройте себя, воины Аматарасу! Позвольте ярому солнцу излиться через вас на голову врага! Твёрдые духом, вы станете мягкими телом!

– Раскрыться – это как? – вопрос задан снова с тылов.

– Простые примеры: разящий меч держит рука, заключающая в себе твёрдость и мягкость одновременно. Второй: во время урагана крепкий дуб сопротивляется и ломается, ива же изгибается и – выживает! Бойцу Зотай-до нельзя закрепощаться, необходимо полностью расслабиться, и только осознанная цель должна направлять текущую через ваше тело силу мироздания, ведь на самом деле ваше тело – не ваше. От природы оно суть один из многочисленных органов мироздания – и только!... Как сказали бы мастера дзэн, надо «опорожнить свою чашу», и тогда вы готовы к атаке с любого направления! Для успеха каждый приём должен сочетать взрывную силу, чёткость движений и умение уйти от атаки противника, сохраняя неразличение, *недеяние*...

Мощная волна уверенности исходила из уст Шуинсая, ученики улавливали эту энергию, в их умах вспыхивали искры *озарения*.

– Почему, почему? – заголосили все хором.

– Наша жизнь – песчинка в равнодушном океане бесконечности. Будь то воин с огромным опытом боёв, или простой человек, никто не лишается воли: дрожь колотит нас, но отступает, когда мы прощаемся с жизнью и начинаем жить по законам битвы. Для омрачённого иллюзиями смертности существа ужасна встреча с врагом в открытом пространстве, когда негде укрыться и переждать. Небо и земля темнеют даже в полдень, ты не видишь того, что разворачивается прямо перед глазами, не можешь ни рвануться вперёд, ни податься назад, ты словно

зачарован сплошной линией ещё не окровавленных наконечников копий. Просветлённый же наслаждается ароматом сакуры, словно настала пора *ханами*.

Ученики заворожённо слушали, забывая про еду. Царила тишина. Порой, когда говорил мастер, никто не решался даже двигать челюстями – из-за хруста в ушах можно упустить важное.

Из глубины своего деятельного сердца, из истинного творческого воодушевления речами отца, Шиничиро черпал строки. В моменты повествования он слышал музыку мира. И сиюминутное стихотворение рождалось в сердце во имя любви к отцу. Некоторые строки он забывал, но, стоило послушать вдохновенные речи, живо восстанавливал утраченное. Новое стихотворение он перекладывал на музыку, которую сочинял в себе, перебирая пальцами шёлковые нити-струны *бива*. Юноша не имел возможности записать стихи или музыку дома – отец категорически не признавал в нём музыканта, поэтому всякий раз, когда их скапливалось множество, не укладывавшееся в памяти, бежал к другу, и запечатлевал тушью на дощечках.

В южные ворота *додзё* Ампаруа въехала верхом на игреневом коне сестра императора в сопровождении элитной охраны, самураев, обученных Кендзо. Суа возжелала немедленно начать занятия по системе мастерства *зотай-до*. Тем не менее она заявила, что Кендзо настолько поработал над её техникой, что помощники Лао и Шуинсая ей не соперники. Противоречила самой себе: женщина!

Йиро не выдал возмущения – недоверчиво опустив брови, поёжился, будто от сквозняка. Сказанное Суа, хотя и глупость, но больно укололо его самолюбие. Она – девушка с амбициями, пусть крепкого сложения и кое-что усвоившая в искусстве единоборств, но ведь – девица благородной крови! И через загорелый лоб Чонг-Ву тоже легла глубокая морщина недовольства, но кореец при этом испытал смешанное чувство – удивления и восторга. Он ещё не встречал столь смелых, уверенных в себе девушек. Кореец, плотно сложив губы, вперил испытующий серо-зелёный взгляд в её белую напудренную щёку.

– Скорее покончим с вашим неверием в мои силы и начнём тренировку, мастер Шуинсай, – настояла Суа, соскочив с коня. Её угольно-чёрные волосы, перехваченные оранжево-синей лентой, были собраны в пучок. В причёске сверкала яркая головка шпильки. Приспущенный ворот простого кимоно являл любопытным взорам гордый изгиб шеи принцессы Суа-химэ.

Перехватив смущённый взгляд Шиничиро, Суа украдкой улыбнулась. Он смотрел на неё нарочито безразлично, так, будто не узнал. Синяк на правой скуле набирал фиолетовой яркости.

– Йиро, готовься к спаррингу, – приказал Шуинсай, указав на площадку. – Победит оставшийся на ногах, проиграет сдавшийся или не способный продолжать бой.

– У *сэмпы* Кендзо проигрывает тот, у кого сломана кость!.. – заметила Суа.

Йиро и девушка вошли в тень смотровой вышки, поклонились друг другу.

– Здесь не *додзё* уважаемого Кендзо, – ответил Шуинсай, сощурившись. – Начали!

Охрана сестры императора выстроилась в два ряда, ученики Шуинсая окружили площадку.

Йиро ошибся. Он стоял расслабленно, опустив руки, запрокинув голову, на его самодовольном лице ни тени смущения, на губах улыбка превосходства. Переместив вес тела на левую ногу, слегка поднял правую и снова опустил на носок, едва касаясь земли. Суа быстро отступила, приготовившись защититься, но Йиро играл с ней. Сменив стойку, девушка поманила его пальцами, хитро скосила глаза.

– Довольно играть, – проговорил он. Сделав шаг вперёд, оторвал правую ногу от земли, повернувшись боком, намекнул на короткий удар по коленке. Суа подняла бедро. А хитрый Йиро, отклонившись назад, высоко вскинул ногу в надежде с одного удара в голову лишить

противника сознания. Суа, с подшагом резко присев, поймала его ногу на блок и кулаком зарядила в пах. Вмиг с лица Йиро слетел азарт тщеславного победителя, он замер с выразительной гримасой, схватился за промежность обеими руками и сел на корточки.

– Встань, попрыгай на пятках! – крикнул ему Шуинсай. – Успокоение, расслабленность и несерьёзное восприятие любого противника – крайне опасны, – назидательно подметил мастер. Взгляд его, пытливый и внимательный, обратился к Суа. Он кивнул, позвал Чонг-Ву. – Давай ты. Пример моего преуспевающего ученика лучше не повторять.

Охрана закатилась смехом, десятник шикнул, уgomонил их. Ученики из *додзё* смотрели на понурого Йиро с жалостью: побеждён женщиной, фу-у! – его авторитет отныне позорно раздавлен.

По команде мастера завязалась схватка Суа и Чонг-Ву: сначала нападал он, отыскивая слабое место в защите девушки, затем перешла к нападению она. Её предплечья, белевшие в широких рукавах ярко-голубого кимоно, покрылись бледными синяками – Суа защищалась, не щадя рук. Никто никого!

Затем, по команде, они продолжили борьбу в партере, каждый пытаясь поймать другого на болевой приём. Подняли облако пыли, упираясь в захватах, кряхтя, и, казалось, давились собственным гневом. И вот Чонг-Ву оказался над ней. Вывернувшись, она резко вскочила, ударив затылком ему в подбородок. Кореец схватил девушку за талию, ударил ногой в изгиб колена, она вскрикнула, разжав его пальцы своими, схватила за запястья. Оттолкнувшись ногами, перевернулась, точно волчок, перевернулась. Суставы рук в запястье Чонг-Ву потянуло на излом, не поддаться – значит получить серьёзную травму! Ничего другого не оставалось, Чонг-Ву свалился на спину, Суа перебралась ему на грудь. Злая, яростная, её овальное лицо багрового цвета, на шее – вздутые вены, большие округлившиеся, точно у птицы, карие глаза влажно сверкают. Тыльной стороной ладони припечатала корейцу по горлу, выгнула спину, с криком вытащив шпильку из распавшейся причёски. Самурай-диверсант испуганно зажмурился, вскинув руки. Шуинсай насторожился: иногда гнев поработал учеников, они не контролировали себя. Взрослый мужчина, воин, Чонг-Ву неподвижно лежал под едва созревшей девчонкой, опасливо жмурясь.

– Стоп! – Шуинсай всё понял. Четыре года в руках Кендзо...

Медленно Чонг-Ву открыл глаза и поднялся – сокрушённый, с тоскливым видом. Суа окинула присутствующих довольным взглядом. Дыхание восстанавливалось, жгучий румянец покидал лицо, но блеск в её глазах стал жёстче. Приняв шёлковый бледно-красный платок из руки десятника, отёрла кровь с верхней губы. Выждав паузу, в которую Чонг-Ву поклонился ей, уточнила:

– Нет сомнений?

– Никаких, – холодно ответил Шуинсай. – Чувствуется приобретённый опыт от Кендзо-сама. Ваше искусство достаточного уровня, и мне придётся превзойти себя, чтобы вывести его на новый... – поклонился мастер, коснувшись руками колен...

– «Уступить натиску, чтобы устоять, идти на перемены, чтобы остаться самим собой», – с намёком процитировала Суа. – звучит старомодно, надеюсь, покажете и расскажете мне что-то новое, *УЧИТЕЛЬ*.

Ярость холодного пламени и обжигающая прохлада воды прекрасно уживались в ней.

Ладони вытянутых рук Шуинсая скользнули вниз по коленям, и, застыв на несколько секунд в согбенном положении, он поднял глаза:

– Ваше божественное происхождение не должно помешать достижению совершенства.

– В *додзё* и на занятии, где бы оно ни происходило, я не сестра императора, не несчастная суженая старого *кагэма* – Белого Тигра, а ваша ученица, – поклонилась Суа в ответ, и волосы прикрыли её горящее румянцем лицо.

Глава 4

Вечерело. Предзакатные сумерки окутали Эдо бледной алой дымкой. Похолодало. Голоса птиц зазвучали тоскливее и реже, стихло стрекотание цикад, сменившись быстрыми пересвистами «ночников», зелёно-жёлтых маленьких птиц с вытянутым клювом. *Тэбу*, или «ночники», свистящие перепела, которых легко приручали местные, готовились ко сну, затаиваясь в густых придорожных *хаги* около обводнённых рисовых полей. В прохладных вечерних сумерках фосфором отсвечивали их гладкие зелёно-золотистые крылья.

Всадники мчались по дорогам вдоль полей и домов, объявляли о возвращении *сёгуна*. Крестьяне, нагруженные кладью, останавливались, вытягивали шеи, высматривая колышущееся знамя. Дети и взрослые, слыша быструю поступь конницы, падали ниц, не поднимая голов. Садилась на землю даже кони и коровы, им накрывали глаза.

Мотохайдуса испугало полученное от дозорных известие о стремительном возвращении из воинской ставки в столицу императора Нинтоку Тоды *сёгуна* Ёсисады Хадзиме. Советник императора откинул свиток на край стола, вскочил, словно ужаленный, приказал немедленно сообщить ближайшим важным персонам, послал нарочного в замок Ёсисады – созвать музыкантов, подготовить пиротехнику к салюту, слугам *сёгуна* было велено раскурить благовония, накрыть столы, готовить деликатесы. Служанки Хадзиме плавно засеменили взад и вперёд, точно яркие рыбки *кои* в пруду. Кашевары раскрывали жаровни, разжигали огонь, подгоняя помощников. Нагревался огромный котёл, приготавливалось всё необходимое для принятия ванны, выкладывали пахучие мыла – для японца, независимо от положения и достатка, нет большей радости, чем нежиться в глубокой деревянной кадке, наполненной горячей водой. Толстый евнух, явившийся в покоях Ёсисады, созвав наложниц, осматривал их, точно привередливый покупатель, выбирающий тёлочек для любимого бычка. Он тонко недовольно попискивал, находя недостатки в причёске и макияже. Девушек, не прошедших придирчивый осмотр, отдавал в умелые руки прислужниц, которые тотчас исправляли недочёт.

Мотохайдус в паланкине выехал из дворца на горбу четвёрки неутомимых «породистых» носильщиков, сделал полукруг по широкому вечернему саду, по красно-лиловым камням, усыпанным жёлтыми и алыми лепестками *кетмий*, на которых двое передних «рысаков» чуть не поскользнулись, перескочив через декоративный источник. У раскрытых главных ворот царило невероятное оживление: сюда со всей столицы сбежались вассалы Ёсисады, имперские чиновники, их слуги, охрана, подросли музыканты, которые налаживали струны *кото*, репетируя триумфальное шествие главнокомандующего под аркой ворот.

Разноцветные *гифу*, бумажные фонарики в форме яйца, с кистями, поднятые на бамбуковых шестах, украсили ворота и сад, пропахший ароматным запахом смолистых гринделлий.

Белый конь Ёсисады спускался с холма, бойко стуча копытами. Следом скакал знаменосец, высоко держа златотканый *мон* пирамидальной формы, за ним спешила кавалерия, на их нагрудниках и *хаори* изображался символ *сёгуна* – вписанный в круг тигр-альбинос вгрызается в оленя.

По небу плыли большие серые тучи, надвигались на горную линию, тянущуюся вдоль побережья. Башнеподобное облако раскроило карминный свет заходящего солнца на длинные прямые полосы. Высоко над землёй ветер дул яростнее. В кустарниках он свистел, в лесах поднимал рёв, пенил потемневшие воды океана и какие бы музыканты ни брали высокие лады, но вся музыка их *кото* свелась на нет.

Погода резко испортилась, словно изменилась под стать настроению Ёсисады, который, перекинув ноги, спрыгнул с инкрустированного золотом седла на крупный гравий, зашагал навстречу толпе быстро и раздражённо. Позвякивали металлические пластины доспеха, хрустела земля под его поступью, порывами ветра подбрасывало шёлковую бело-золотую накидку.

Начался дождь, *хатамото* наперегонки рванули навстречу господину с зонтиками. Растолкав слуг, наклоняя головы, спесивые самураи раболепно заглядывали в неподвижное лицо. Они сбивчиво, торопливо перечисляли решённые задачи, поставленные им перед уходом, принимали заслуги отсутствующих, хвалили друг друга. Чиновники докладывали о состоянии провинций: благодаря их рвению подданные зажили счастливее и стали меньше нуждаться.

Опустивший брови хмурый *сёгун* явно пребывал не в духе. За время, проведённое под покровительством Ёсисады Хадзими, вассалы узнали, чем грозило его молчание.

Прикрыв главнокомандующего армии Небесного государя от дождя многочисленными зонтами, сановники Эдо призвали на помощь присущие им красноречие – расписывали его достоинства, восхищались, что одарён он больше всех генералов киотского Гонары, и что замыслы имел великие, превозносили замечательный характер их единственного... Тот угрюмо отмалчивался.

– Пустоголовые! Рано вам радоваться! – наконец рявкнул потерявший терпение Ёсисада Хадзими, пнув бронзовый треножник с душистым горевшим маслом. Оно разлилось по темневшему от дождя гравию дорожки, слуги сразу принялись убирать треножники и шесты с бумажными фонариками. Мотохайдус живо разогнал музыкантов.

На широкий гладкий бледный лоб вползли глубокие морщины, взгляд разъярённого Белого Тигра не сулил добра – пристальный, жуткий. Расширялись ноздри прямого носа, вздымался нагрудник, губы, сложенные змеей, готовой взвиться, ужалить... Свои неудачи и дурное расположение духа Ёсисада Хадзими всегда вымещал на подчинённых – они привыкли; но сейчас Белый Тигр действительно пугал. Держать над ним зонты стало небезопасно, убрать – тоже.

– Вы – бесполезные бездарные паразиты империи! – сказал он громким голосом. В небе сверкнули бледно-голубые длинные молнии, разорвав на миг свинцовые облака. Ударил гром, подчеркнув значимость сказанных слов. Вассалы замерли, покорно склонив головы, трепеща перед Хадзими, точно мыши перед питоном. Глубоко вздохнув, *сёгун* проговорил царственно-строгим, глубоким бархатным басом:

– Следующий поход никто из вас не пропустит. Вы докажете свою необходимость нашему *Тэнно*. И МНЕ!

Во дворце *сёгуна* собрались *хатамото*. Императора не было – Их величество почивали. Ёсисада Хадзими начал совещание.

– Приступаем ко вторжению в Кансай. Империя не будет знать границ! Ни Ода, ни остальные претенденты не смогут защититься в этот раз. Кто они, чтобы тягаться с моим императором?! Никакого мира!

Помимо бесстрашия, чувства долга и полководческого таланта, природа наделила его тщеславием.

– Мото-сан, как идёт подготовка *синоби*? Наставники не знают сна?

Советник открыл рот, но молчал, опасливо глядя на вассалов. Ни к чему лишние уши...

Хадзими расхаживал по залу совещаний взад-вперёд размашистым шагом, казалось, не замечая никого. В задумчивых изумрудно-серых глазах прыгали искры от огней жаровен, освещающих помещение. Капли пота блестели на шее, на бледно-розовых щеках, на косом белом шраме, уходящим под *хаори*. Махнув рукой в чёрной перчатке, украшенной золотистыми узорами, *сёгун* дал понять Мотохайдусу, что он может говорить, не опасаясь чиновников.

Кампаку пожал плечами: лично он не доверился бы *этим*...

– Зотайдо Лао руководит подготовкой отряда диверсантов. Прекрасно обучены, готовы доказать преданность *Тэнно*. Ждут своего часа, ждут момента, когда вы удовлетворённо улыбнётесь и вздохнёте полной грудью, *вакагами*. Наставник *додзё* Ампаруа Шуинсай поймал вражеского лазутчика из семьи *Кога* во дворце... Осталось допросить и выведать информацию...

– А после допроса отрубить голени и предплечья, чтобы превратить этого негодяя *хинина* в человека-свинью, чтобы передвигался на четвереньках и жрал с пола до конца его жалкой жизни... – возвысил гневный голос один из *хатамото*, знаменитый сумотори.

– Ты умеешь взбодрить, Мичио-дзэки! – осклабился *сёгун*, блеснув по-женски зачернёнными зубами.

– Я оставил генералов в Кофу, – продолжал Хадзиме. – Стратеги разрабатывают план захвата Нагоя. Пройти к нему непросто. Не по горам пойдём, явно – потеряем уйму времени. Двинемся в обход хребта Рида к берегу моря. Сначала подопрём их в Тояма, затем мощной лавиной обрушимся на Фукуи. Из провинции Этидзен выйдем *намбадзинов*, прижмём и разоружим тамошние монастырские и крестьянские воинства – слишком уж они строптивые – и сможем угрожать непосредственно Киото или провинции Мино, контролируемой армией Бадафусы, если Ода проявит чрезмерную активность.

– Насколько известно от разведки, – сказал Накомото, генерал союзного *даймё* Уэсуги, – там наши соперники Асикага только начинают строить линию обороны от местных *икко-икки* и «Северного тигра» из Этиго. Из очень толстой и крепкой древесины, доставленной из-за моря Хоккай длиннобородыми круглоглазыми *гайдзинами*. Поэтому, считаю, Этидзен падёт быстро, без лишних усилий с нашей стороны. Варварская постройка не выдержит удара «Трёх Тигров» сразу.

– Мицухидэ... да, мой верный *тайсё*, – щёки *сёгуна* округлились, зарумянившись, – возглавит поход войск на Кансай. Он лично поведёт правое крыло соединённого войска Северовосточных земель, лучший из генералов. Он сам об этом просил, сказал, что лишь так докажет мне свою любовь, послужит на пользу *Тэнно*. Пусть! А то в последнее время странно себя ведёт, подавлен и нерадостен. Для воина нет лучшего лекарства от уныния, чем поле боя, верно, Мото-сан?

От неожиданности Мотохайдус уронил на пол кусочек варёной рыбы *фугу*.

– Жду не дождусь, когда лишим Нагоя западной поддержки, – продолжал *сёгун*, воткнув колючие глаза в советника императора; отравленному пищевым токсином Мотохайдусу он представился в облике иглокожей рыбыны, ядовитым мясом которой *кампаку* только что лакомился. – Захватим Нагоя – ослабим линию защиты Кансай, ведь без крупнейшего склада варварского оружия они беззащитны, а в Нагоя огромное хранилище аркебуз из-за моря. *Кумитё* Кендзо и его *якудза* прекрасно поработали в разведке! Склад китайского пороха, европейских ядрометателей и стрелковых ружей скрыт под крепостью.

– Я слышал, повелитель, что иноземцы снабжают христианские войска Оды варварским оружием, – сказал Мотохайдус. – Пушки гораздо мощнее, чем наши, мушкеты и взрывные предметы, называемые...

– Не произноси варварских названий! – отрезал Хадзиме, покраснев. – Христианами могут быть только самые отъявленные злодеи и чародеи!

Мотохайдус предложил с надеждой:

– Как только овладеем складом, появится возможность использовать пушки...

– Мне не требуется оружие варваров, – раздражённо возразил Хадзиме. – Ямато никогда не нуждалась в помощи нечистых *эта*. Что случилось с твоим рассудком, Мото-сан? Ведущие священную войну под покровительством Небес непобедимы!

– Вы правы, повелитель, – закивал Мотохайдус, нахмурившись, пряча лицо. – Как всегда, из уст *вакагими* прозвучала истина.

Совет завершился за полночь. Ёсисада распустил всех *хатамото*, остался один на один с Мотохайдусом. Вдвоём, не спеша, они ступили в зал славы – на стенах, без портретного, но, разумеется, при полном статусном сходстве, гравюры с высокохудожественными изображениями родителей Хадзиме, облагороженные задним числом, императора Нинтоку Тоды, и его супруги, и сестры императора – Суа, и прародителей, а также известных философов и масте-

ров Ямато. Под портретами родственников Ёсисады стояли фарфоровые урны с прахом, расписанные древними длинноусыми драконами и пучеглазыми колючими рыбами.

Слуги снимали с тела *сёгуна* доспех, он молчаливо смотрел на коллекции *катана* в ножнах на подставках из чёрного дерева – *катанакакэ*. Его взгляд сделался трепетно-спокойным, мечтательным, а когда скользнул по доспеху, висевшему около урны отца, стал встревоженным и чуть влажным. Посеребрённый шлем, украшенный парой настоящих изжелта-белых тигриных клыков, хранился в большом раскрытом бархатном футляре, вертикально размещённый на двойных металлических пластинах доспеха с нагрудником, обтянутым кожей, кое-где зашитой золотистыми толстыми нитями. Накидка из шкуры тигра-альбиноса, заколотая золотой брошью в форме дракона, изготовившегося к броску, была выстлана на тумбе, рядом расположились *яри* и *нагината* со старинными узорами, изображениями невиданных животных на древках.

– Как думаешь, Мотоёри, я умру как мой отец – в бою? – вдруг спросил Хадзиме, внимательно воззрившись на советника влажными глазами. Он остался в одном тонком белом *юката*, в котором обычно принимал горячую ванну. Слуги, убрав атласную ленту, распустили его длинные волосы. Среди сверкающего металла доспехов и оружия он казался себе *мё-о* – великим воителем, существом, спустившимся с Небес в бренный мир защищать людей от демонов.

– Не хочу об этом думать, повелитель! – глубокая горестная морщина прочертила лоб Мотохайдуса, на глаза навернулись слёзы.

– Как же ты хитёр, Мотоёри, – улыбнулся вдруг Ёсисада Хадзиме. – Прямо как я!.. Давай-ка мы с тобой поговорим начистоту и без свидетелей.

Мотохайдус, молча, выжидал.

– Во дворце предатель, – сказал *сёгун* выразительно. – Я хочу этого негодяя обмануть – для того, словно базарный лицедей, расписывал наши якобы стратегические планы перед всеми. Когда шпион донесёт Оде, тот ослабит заслон Нагоя с северного направления и кинет резервы на западную границу. Конечно, в ближайшие месяцы никаких военных походов мы не предпримем, будем оттягивать выступление под любыми предлогами хоть до Нового года, когда замёрзнет река. Дадим Оде время переместить войска и обжиться на ложных позициях. Но это, в общем, дело не твоё, *кампаку*. Ты мне перевёртыша найди.

Такэда выставляет претензии императорскому дому за Кофу, ведь крепость разорили из-за козней тётушки Саюке! Кстати, а где пребывают некоторые члены императорской фамилии сию минуту? В частности, Саюке-*химэ* и её юная компаньонка по *додзё* Кендзо-сама, моя ненаглядная Суа-*тянь*? И нет известий от старого Сендэя – как в воду канул! И ещё, *мэцукэ* доносят, будто обидчик Мицухидэ – как его там, Кагаси Тэнгу, что ли, – объявился в Эдо, в квартале наслаждений. Сцапай-ка мне этого тоже!

Нервное напряжение, словно тигр пожирало Мотохайдуса с той самой фразы Хадзиме о здравии Мицухидэ, обращённой именно к нему, Мотохайдусу. С чем приехал *сёгун*? Что он знает и о чём успел догадаться? Даже нехилые боевые навыки *ямабуси* тут не помогут! *Хатамото*, живущие вокруг – схватят и скрутят его, государственного преступника, оторвут конечности... Мало ли чем Ёсисада отмстит за фаворита! Глядя на эмблему *сёгуна*, он чувствовал себя оленем.

– Я очень люблю Белого Тигра, больше него люблю только императора! – будто в глубокой печали Мотохайдус преклонил голову перед *сёгуном*.

Ёсисада помолчал минуту, наблюдая – подмечая малейшие признаки истинности или притворства в мимике советника. Потом, нисколько не рисуясь, возложил руку на его плечо, успокоил:

– Я не покину мир рано. Пусть хранитель врат *Ракуэна* ждёт. Поскольку дел у нас много. И тебе, верный соратник, я приказываю не торопиться с уходом!

Глава 5

Погожий день. Не жаркий, но и не прохладный. После короткого тёплого дождика – трава свежая, покрытая капельками воды. Небо – чистое, нежно-синее. Жаворонки журчали подобно небесному ручейку, голуби неустанно гулили, скрытые среди пышной листвы криптомерий. Покрылись росой беловатые и серые камни на тропе, повлажнел жёлто-зелёный мох на пнях, напитанные живительной влагой кусты кизила и карагача обозначались с чрезвычайной ясностью в прозрачном золотистом свете восхода.

Выйдя на прямую дорогу в квартал увеселений, посланец вынул из-за пазухи клочок рисовой бумаги – изображённый тушью портрет рыжеволосого одноглазого лохматого человека. Переодетые крестьянами, несколько лучших *оммицу* из его учеников *ронинов* двигались за ним на расстоянии. Настроение у местных обитателей было, как всегда, праздничное. Звенели разнотонные бубенцы на узких грязноватых улицах, украшенных красно-сине-зелёными бумажными фонариками, тарахтели трещотки, во многих лавках товар могли отдать чуть ли не задаром, или обменять на менее ценные вещи. Люди, переодетые в демонов, в невиданных зверей, скакали по дорогам, пугая и предлагая помериться силами. Одного такого надоедливое «скакуна» Чонг-Ву выкинул с дороги в свежий лошадиный помёт.

Жители готовились к Празднику рубки бамбука. Избранники-силачи: одни, выбранные народом, а другие – высокопоставленными лицами, надели *суйкан*, подвязали на рукавах тесёмки, обули соломенные сандалии на кожаных шнурках, обмотали голову матерчатыми лоскутьями, сшитыми красной нитью. Избранники народа шли в бамбуковый лес, к храму, и, вытащив *катаны*, начали соревнование: кто больше навалит зелёных стволов и какой техникой рубки.

Кряжистого сложения человек в длинной накидке с гладковыбритой головой прошёл в игральную комнату одной из городских хижин *минка* и с достоинством сел на грубый суковатый пол. Тряхнув седеющей бородкой, он приподнял верхнюю губу с торчащими щёткой усами, лихо покосился на человека в *татээбоги*. Его мясистая ладонь накрыла чёрный стакан, игральные кости звонко защёлкали о бамбуковые стенки. На стол проворно вылетели два кубика. Напёрсточник, скорее всего, жульничал, поскольку игроки недоверчиво переглядывались и ворчали, а когда увидели, что в который раз удача отвернулась от них, как по команде, зароптали. Спрятав жилистые загорелые руки в больших карманах пыльного одеяния, человек, сидящий на полу, закрыл глаза и опустил голову. Охрана с мечами в ножнах, спустившаяся по лестнице, с подозрением покосилась на гостя. Редко в игральном доме появляются такие. Прошлый раз самурай помоложе отказался разговаривать, и его, конечно, пришлось выставить вон из почтенного заведения.

Наконец, открыв глаза, гость резко мотнул головой. Подносица, девчушка лет одиннадцати-двенадцати, принесла чашку горячего густого супа из овощей и риса. На столе дымилась кусочки отварного окуня. От душистого запаха приправ у гостя разыгрался аппетит – он облизал губы, отпил суп из чаши. Похвалил девчушку, она обрадовалась – любила, когда хвалили. Показал ей клочок бумаги, она быстро-быстро закивала, показала характерным жестом «то самое» заведение, и, улыбнувшись, обнажила неровный ряд мелких зубов.

Охрана насторожилась, торопливо подошла и потребовала назвать имя. Гость не назвал имя, а на ухо сказал одному из охранников, что его ждёт, если ослушается приказа и не доложит начальнику, чтобы тот окружил район в радиусе не меньше квартала. Гость устал от бесплодных скитаний по грязному городу, и, в конце концов, хотел решить поставленную задачу, этот гость был старшим братом Шуинся.

– *Сэнсэй* Лао, – обратился охранник, лениво переводя взгляд на дверь, – девочка слабоумная и вряд ли видела указанного человека. В Мито народ законопослушный и не станет прятать преступника, тем более столь опасного.

Выражение лица Лао сделалось волчьим, губы надулись, брови тяжело нависли над ресницами и сощуренными глазами. Он выплеснул суп в лицо охраннику и пинком выгнал из игрального дома.

Через несколько минут охрана квартала оцепила территорию вокруг публичного дома. Лао вошёл через центральный вход, где за вертикальной бамбуковой решёткой демонстрировали себя босоногие томные красавицы.

Кагасиро, раскидав огненно-рыжие кудри по розовой подушке, блаженно улыбался, предвкушая страстные прикосновения рук жрицы любви к его телу. Он глядел, широко раскрыв глаз – не желал пропустить ни момента из дикой своеобразной прелюдии, которую начала *ойран*, девушка с красивой снежно-белой грудью. В комнате стоял полумрак, на тумбочке горела восковая свеча в глубокой чашке, приятно пахло кедровым маслом. Вдруг возбуждение сменилось тревогой, Кагасиро поёжился, проворчал – отдых испорчен. *Ойран*, заметив перемену настроения клиента, заторопилась приблизиться.

– Отодвинь занавеску, женщина, отойди, – сухо сказал он, быстрым движением руки схватил ремешок в изголовье подушки. Затянув волосы в конский хвост, встал с *футона*, надел серые широкие штаны, обрезанные на голени, отягощённые поясом и ножнами с мечом, с кинжалами и мешочком с вознаграждением, полученным накануне из рук лорда Коридвена. Набросил на тело старую накидку со стёршимся рисунком змеи, от которой остался лишь чешуйчатый хвост. Стрельнул глазом в окно: на глиняной оббитой до тростниковой щепы стене соседнего дома появились растянутые тени – на крыше *синоби*? По душе – точно коршуны прохаживались! Вот и расслабился... Зря он не прислушался к словам осторожной Саюке, не взял с *комодзинского* корабля ни дымные, ни взрывные шары! Недаром же собратья прозвали Кагасиро Рыжим Змеем – всегда-то он, пропахший серой и дымом, выбирался из любой передраги. Сейчас разбойник почувствовал своим затрепетавшим существом, что придётся трудно, как никогда.

Кагасиро схватил пискнувшую *ойран*, высунулся из комнаты и глянул вниз. Человек, не торопясь поднимавшийся по ступенькам наверх, поднял блеснувшую глянцем лысую голову и холодно произнёс:

– Ты нужен хозяину живой, не валяй дурака, Тэнгу!

Выпустив испуганную женщину, Кагасиро велел ей встать у входа, создав некоторое препятствие полицейскому, взял здоровенную жаровню, и, показавшись в окно, резко прикрылся ей. Дротик звонко отлетел от железа. Разбойник выпрыгнул из окна на кучу соломы в телеге. Расталкивая скакавших людей в масках, он свернул в тесный проулок между домиками, побежал к храму, к толпе зевак, наблюдавших за рубкой бамбука. Два нетрезвых нищих, накрывшихся выброшенными циновками, сонно водили взглядом по незнакомцу, который влез под такое же покрывало и ножом наскоро проделал в нём большие дыры.

Колокол на башне забил тревогу, городская охрана прочёсывала квартал увеселений, по крышам осторожно, но скоро, шли *оммицу* с Чонг-Ву во главе.

Кагасиро, замаскировавшийся под нищего, отобрал маску у попавшегося в проулке «демона». На условный стук в стенку одной из чайных высунулась огромная башка. Увидев человека в мешковатой одежде из циновки в размалёванной красным рогатой маске, он удивлённо округлил глаза, на широкий лоб с испариной заползли морщины.

– Бодзу, не высовывайся! – предупредил Кагасиро. – Не вздумай лезть на рожон, кто-то проговорился. Я останусь в живых, слышишь, выберусь.

Воин исполинской стати, бывший *сохэй*, монах, готов был жизнь отдать за Кагасиро, потому что, благодаря Тэнгу, познал радости свободы. Рыжий Змей стал здоровяку в самом деле демоном-наставником.

– Скажи остальным, пусть уходят и ждут распоряжения *Онна*! – велел разбойник.

– Саюке нас убьёт за тебя! – взмолился Бодзу. – Останься здесь, я скрою.

Зелёно-серые глаза Бодзу повлажнели: он переживал, точно маленький ребёнок, у которого долго задерживались родители.

– Проскользну. Меня не узнают. А вас одних не тронут...

Но Бодзу не мог усидеть спокойно, придумал, как помочь: надо найти какого-нибудь конягу и отвязать, чтобы Змей перехватил его на окраине.

Попрощавшись, пританцовывая, Рыжий Змей выбрался из проулка. На дорожках, во дворах, около буддийского храма Дзему, собралось множество народа. Тут ходили городские полицейские, охранники квартала. Несколько *оммицу* сновало среди простого люда, их, переодетых в крестьянскую одежду, Кагасиро определял по движениям и по слаженному перемещению – словно гребнем прочёсывали толпу хорошо обученные *ситтапики*, недавние такие же, как он, бандиты. Они недоверчиво оглядывали каждого встречающегося на пути. Под громкий звон бубенцов и звуки трещоток сосредоточиться было непросто. Охранники то и дело останавливались, осматривали с ног до головы скакавших вокруг них «демонов», требовали снять маску. Рыжий Змей проходил самыми людными местами.

По улице нёсся жеребец, за которым волочился выдранный ремень недоуздка.

– Единственный способ скоро выбраться из города! – словно иглой пронзила мысль. Кагасиро поймал его, ржавшего и беспокойного, заскочил в седло. Пришпорив, помчался в сторону склада, к воде, к пристани, где обычно удил рыбу старый знакомый лодочник. Миновав улицу торговцев рыбой, меж двух складских строений он увидел бирюзовую кайму залива. – Ушёл!!! – понёсся на радостях.

Болас, ловко брошенный с крыши, опутал лошадиные ноги, инерция выхватила Кагасиро из седла. Он опомнился на земле, помятый и грязный, одним движением освободился с помощью кинжала от своей циновки, намного сковывающей движения, и увидел спрыгнувшего лысого человека. Не торопясь, тот подошёл мягкими осторожными шагами, не отводя сердитого взгляда, положил левую руку на оплетённую кожей рукоятку меча в ножнах, напористо спросил:

– Догадываешься, кто я, Тэнгу?

– Мертвец?! – рука Кагасиро готовилась метнуть кинжал.

– Мы будем драться на мечах, – проговорил Лао сквозь зубы. Встряхнувшись, точно мокрый волкодав, он подёргал нервно головой, скорчил гримасу и зарычал. Так перед боем Лао всегда заряжался злостью к врагу.

– У тебя будет пять минут, чтобы поразить меня. По истечению времени... – недоговорив, он выхватил меч и молниеносно атаковал. В отличие от младшего брата, Зотайдо Лао не сдерживал эмоции. Он проводил бой мощно и кричал при каждом ударе, вкладывая в разящий клинок всю свою ярость.

Рыжий Змей, сверкая глазом, защищался, отступая в тень большого склада. Мастер *зотай-до* значительно превосходил противника возрастом, но орудовал *катаной* Лао без усталости. Кагасиро, непривычный к такому темпу, очень быстро устал, и вскоре уже не помышлял об атаках – только вяло парировал удары. Он рванул в узкий проулок между складами, надеялся, что в нём Лао не сможет ловко работать *катаной* и станет мишенью для кинжала. Между складами оказалось очень мало места. Змей, перебросив меч из одной руки в другую, с силой бросил *коцуку*. Лао предугадал: успел подпрыгнуть, упёрся ногами в стенки, сощурился и встопорщил, ехидно улыбаясь, усы.

Кагасиро нахмурился: над ним издевались! Он кинул второй нож и резко переместил *катану* вперёд – приготовил для защиты. Мастер Лао кувырком перепрыгнул его, глухо приземлившись на ноги.

Бросив назад последний кинжал, разбойник был уверен, что поразил недруга. Повернулся. Лао лежал на земле и придерживал бамбуковую трубку у рта. Дротик уколол Кагасиро в бедро. Усыпляющее вещество быстро действовало на усталого человека. Сначала Рыжий Змей ощутил недомогание, затем потемнело в глазах, он точно свалился в бездонную темноту.

Чайки противно кричали, кружась над водой между прибрежными островками.

Глава 6

В три дня середины июля укладывается праздник *Обон* – поминания усопших родственников. Шиничиро чувствовал себя счастливо: тренировки в этот день строго запрещались. Юноша наслаждался ванильным запахом крема, и, наблюдая за служанкой, медленно перебирал шёлковые струны *бива* и тихо напевал. В открытое окно Рёи заметила Шину и Шуинсая, возвращавшихся из города. Вечером они всегда задерживались в саду, гуляли и разговаривали. Шини убежал в комнату с *токонама* и убрал на место *бива*, которую тот сломал бы о голову сына-поэта, если б нашёл. Хотя, Рёи нравилось, и мама была не прочь послушать.

О героических предках императора Тоды никто ничего толком не знал. Но праздник отмечался – для порядка. Собираясь перед *буцуданом*, вместе с Шуинсаем семейные вспоминали предков рода Абэ, перечисляли их заслуги, восторженно повторяли предание о доблести и подвигах, рассказываемые из поколения в поколение, делали подношения *ками*.

Строго определёнными движениями и размеренностью чайная церемония создавала покой души, приводила в состояние, при котором душа особенно чутко отзывалась на вездесущую красоту природы. Белоснежные льняные платки и ковш, сделанный из спиленного куска бамбука, – традиционные предметы при подготовке к чаепитию. Рёи, залив чай кипятком, тщательно взбивала метёлкой густой белковый крем, которым украсит рисовые лепёшки, обёрнутые в красные бобы так, что получится красивый цветок пиона.

Ужиная, Шуинсай был по-прежнему строг и задумчив, предупредил сына, чтобы следующие несколько месяцев слушался Йиро и не смел опаздывать. И Шиничиро чувствовал: терпение отца не беспредельно – отец и так едва простил ему прошлую провинность.

– Не дай повода, чтобы мне сообщили о неповиновении – не избежать твоей спине бамбука!

Несмотря на неловкость, ими владело прекрасное чувство близости родных людей. В душе у каждого будто загорелся огонёк и не поделиться его теплом, казалось, невозможно.

Шина, подозревая долгое расставание, находилась в смятении, нервно молчала и пристально глядела на мужа. Волновалась, как ни странно, даже Рёи. Только Шиничиро пребывал в приподнятом настроении и хлопал длинными ресницами, не отводя глаз от отца. Его отлучка из *додзё* и из дома была для сына полна аромата романтического геройства. Когда-нибудь и про отца он, Шиничиро, расскажет в этот день своим будущим маленьким сыновьям, глядящим на него восторженно расширенными глазёнками... И, конечно, не мыслил и свою он жизнь без славных подвигов.

Иногда в короткие вечерние часы за ужином Шиничиро мог поговорить с папой не о тренировках, пошутить, улыбнуться, послушать истории, которые довелось узнать от просто-народея на городском рынке, или от деревенского кузнеца, обрабатывавшего одновременно и *додзё* Ампаруа, к которому не раз заглядывал мальчишка просто так, полюбоваться на процесс. Хотя вообще-то кузнецы считались колдунами...

Наконец, выпив третью чашку *sake*, Шуинсай зарумянился, слегка прищурил глаза, сверкнувшие яркими бусинами, и растянул губы, облегчённо вздохнул. Обычная строгость пропала, в движениях и голосе чувствовалась лёгкая развязность. У сына и отца находилось мало тем для разговора. Сегодня, почувствовав натянутость и гнетущую тишину, Шуинсай стукнул себя по коленке и проговорил:

– Как-то старый мастер сказал, мол, не сражайся против женщины и... дуба, ведь в них – один дух и сила. Дерево стоит, не шелохнётся, и женщина порой бывает непреклонна.

Про искусство боя Шуинсай мог разглагольствовать часами, красноречиво и сочно, но шутить не умел – заметно старался разрядить обстановку неловкости. Шина иронично посмотрела на него. Он продолжил:

– Живот спокойный – хорошо – сытый. Живот беспокойный – сходи на место...

– Умереть со смеха! – сдержано рассмеялась Шина, прикрывшись рукой. Служанка улыбнулась шутке к вечернему столу...

– Умирать... – повторил Шуинсай недоверчиво. – Обратите внимания на картины в комнатах – это ведь живые люди, оставившие частицу своей души ради чести. Как бы я хотел, чтобы и мои ученики потрудились так же. Но умирать... «Вы можете красиво умереть в лепестках сакуры, но лучше жить среди бамбука, поверьте», как советовал мудрец. – Тучи – хорошо, как легко на них будет, но без них – легче, ты ведь жив.

– Остановись, *данна*, оставь философствовать монахам! – ласково попросила Шина. – Мы привыкли, что ты строг и молчалив за столом, а болтовня – на тебя так не похоже!

– Что касается «остановись», – несло Шуинсай. – Время – скрипучая повозка, никогда не знаешь, когда остановка...

Стоило домашним что-то сказать, как он хватался за слово, словно ястреб за добычу, и в развитие своим тревожным мыслям выдавал банальность или пошлость. Редко он бывал дома разговорчивым и весёлым, в основном уходил в думы и молчал – одно из качеств, которое Шина любила в муже, а сын – уважал в отце.

– Отец, как будешь тренировать сестру императора? – с интересом спросил Шиничиро. – Выше четвёртого и пятого дана женщина не поднималась. Получить уровень мастерства выше – невозможно. По природе своей женщина хрупка и получение высших данов может навредить. Сколько случаев, что женщина не выдерживала испытания духа и погибала?! Тело её может быть подготовлено, но дух – нет.

– Я тоже об этом слышала, – сказала Шина, закивав.

Посерьёзнев, Шуинсай ответил:

– В *Суа-химэ* есть сила. Иначе Кендзо не тратил бы на неё время, даже если бы ему приказал сам император, он сумел бы отговориться. Единственный верный помощник, который проницательнее и мудрее Конфуция, покажет. Время...

Что касалось времени, то оно дьявольски раздражало Белого Тигра. Пропадая в скучных государственных делах, выслушивая неинтересные доклады, *сёгун* тосковал – по лязгу стали, боевым крикам, жаждал ощутить бесподобное чувство эйфории сражения. Однако надо было разоблачить измену, поскольку Такэда, важнейший союзник, поставил условие: либо полное доверие, либо каждый сам по себе. И, как назло, главарь банды, Рыжий Змей, молчал! Никакие пытки не могли выудить из него ни слова. *Кампаку* Мотохайдус, который того пытал, рассказывал, что, попадая в руки мучителей, разбойник будто выпускал душу из тела. Его тело как бы принадлежало врагу, но мысли и душа – нет. Мицухидэ подтверждал, будто искусству ухода в Хиган без специального ритуала Кагасиро мог научиться у носатых горных демонов – недаром он звался Тэнгу. Пытки измучили его, он был на волоске от смерти, но говорить отказывался. Ёсисаду Хадзими сердило мертвецкое молчание Змея, но более нервировало ожидание результата от Мицухидэ, которому он вопреки раскрытым перед *хатамото* планам вверил лишь ополченцев. Мотохайдус помог советом и тут – светлая голова! – в качестве костяка армии Мицухидэ предложил придать отряды Кендзо – мафиозный, и Зотайдо Лао – полицейский, но состоящий из бывших разбойников и *ронинов*. Вот у кого железная дисциплина – практически готовые самураи!

Йиро, узнав о том, что мастер Шуинсай не собирался брать его на испытания, не расстроился – знал, что не готов: после победы над ним Суа, путь к высокому *дану* был ему пока закрыт. Признаться, он обрадовался: тренировать группы учеников и жить дома – гораздо уютнее, безопаснее и веселее, нежели прозябать в горах, где орудовали бандиты. Что касалось Чонг-Ву, то Лао взял его своим заместителем, несмотря на поражение.

Когда у одних накапливались проблемы, у других не находилось совсем. Беззаботный Шиничиро по-прежнему продолжал пропускать тренировки. Когда соизволил прийти, то обнаружил маленького старика с тростью, в чёрных *таби* и широких штанах с белыми полосами, заложенных в складки на поясе, в *кимоно* с кружевными рукавами, удлинёнными и растянутыми, словно *юката*. Он сидел на скамейке и любовался садом. Его седая, точно пух, борода, охвачена коричневым кожаным ремешком у самого подбородка. Нос орлиный, голова овальная, как яйцо, загорелая, сморщенная, точно чернослив. На затылке и на висках – редкие жёсткие серо-белые волосы, образовавшие точно венок. На выпуклом темени сидела мохнатая родинка. Черты лица неподвижные, могли принадлежать и странствующему монаху и мастеру *ниндзю-цу* одновременно. Но всего больше этот старик походил на *итимэ-кодзо*, монашка-демона, что подкарауливает путников у дорог, даром что двуглаз.

– Старик, ты не заблудился? – уточнил Шиничиро, подходя. – Нам не нужны ни садовники, ни слуги. Торговая площадь – в центре Эдо возле стены дворца. Проваливай отсюда, скамейка принадлежит парнишке Шини!

Испытующий взгляд старика, вмиг обратившийся на юношу, стал холоден, точно горное озеро, заставил поёжиться на месте. Птичьи глаза – чёрно-лиловые, как земля после дождя, расширились. Он протяжно свистнул.

В саду появились незнакомые ученики. Татуировки покрывали их плечи. На лбах темнели повязки, на которых изображались два иероглифа кровавого цвета, означавших «Затаившийся дракон» – символ столичного *додзё* мастера Кендзо.

– Двадцать ударов, – проговорил возмущившийся старик, и продолжил любоваться красивыми цветами.

– Эй, я не знал! – растерялся Шиничиро. И, перескочив через низкую изгородь сада, побежал к Йиро, что тренировал группу малышни.

Йиро всегда готов защитить друга, но тут воздержался: просто так ученики Кендзо никого бы не ловили. Растолкав толпу, рывкнув на Йиро, Шини хотел запереться на складе оружия. Морики, перегородив ему путь, встала в дверном проёме. Её лицо пылало от волнения, отражая борьбу противоречивых чувств. Согласно кодексу *додзё*, требовалось схватить и сдать провинившегося ученика мастеру, чтобы не создавать соблазн нарушения субординации, но если этим нерадивым юношей оказался Шини, что делать тогда?!

– Не заставляй применять силу! – пригрозил кулаком он. – Отойди, не то получишь!

Ученики разошлись по сторонам, очистив путь синюшным, в наколках, ребятам Кендзо.

– Прости, Шини-доно, – глухо произнесла Морики, не отошла.

После наказания спина и ягодицы Шиничиро посинели, жутко болели. Не мог ни сидеть, ни лежать на спине. Заботливая Рёи приложила к больным местам компресс из лечебного раствора. Мазь сильно щипала – юноша, постанывая, сердился:

– Я им покажу! Кто мне Кендзо? Старик!.. Морики предала меня! Как могла? Ну, девка... Будет время – докажу им, из чего сделан. Докажу!..

Рёи пыталась успокоить Шиничиро, тот не унимался. Лёжа на животе, на жестковатом набитом соломой *футоне*, стучал кулаком по полу. Бросая огненные взгляды, от каких, казалось, могла запылать жаровня, он проклинал и старика Кендзо и Йиро, и Морики... и вообще всех, кого не страшно проклясть.

– Уйди от меня, женщина! Я – не слабак, – Шини отогнал служанку. – Сейчас встану и надаю им, как следует. Заберусь в дом Кендзо, припомню... где он живёт? У дяди Лао? – всхлипывал он, шмыгая носом. Не хотел плакать, но слёзы бежали.

«Воин не плачет, даёт лишь выход эмоциям в открытом бою» – одно из правил в *додзё*, которому юноша следовать пока не умел.

– Вот покажу им, покажу! – процедил Шиничиро, закрыв глаза. Почувствовал тёплую руку Рёи. Она гладила по голове. Не стал отгонять и кричать, успокаивался.

Глава 7

Острые пики пронзали небо насквозь, растворялась в синей дымке заснеженная горная извилистая цепь. Прохладные свистящие ветры гуляли по долинам, переноса опадающую листву с места на место. Плывая над бесконечной тёмной бирюзой дальних вод и сливаясь с бледным холодным небосводом, громоздились мрачноватые рыхлые тучи, одна на другую. Птицы оглашали безграничное пространство протяжными криками; осень и зима на вершины приходили раньше, чем на побережье.

С высоты птичьего полёта этот горный участок, ветвящийся ущельями, распадками, представлял собой обширную долину, заваленную пожелтевшей листвой, с тёмными бездонными пропастями да кривыми логами. «Страна ранней осени» как нельзя лучше приспособлена под изнурительные тренировки. Здесь, среди безлюдных огромных гор, заросших берёзами и соснами, измученных ветрами и дождями холмов со старой бамбуковой порослью, да изолированных от мира на века одиноких деревушек, хранивших допотопный уклад и неинтересных ни одному алчному феодалу, вырастали лучшие мастера рукопашного боя, способные, пожалуй, завалить любого *тэнгу*. Здесь, высоко в горах, в хмурых неприветливых лесах, в холодные дни и леденящие ночи, тела и души воинов закалялись, точно раскалённая сталь самурайского клинка. *Буси* крепили духом, «как цветочное вино в дорогом прозрачном сосуде, выставленное под лунный свет» – сказал бы Шиничиро. Да его не пригласили...

Одни воины прибывали в «Страну ранней осени», чтобы стать сильнее и выносливей, светлей и крепче, а затем возвращались, откуда пришли. Другие – обретали второй дом на высотах, среди монахов *ямабуси*, постепенно, год от года, превращаясь в подобие *яма-уба*, третьи скрывались от правосудия в пещерах или в одиноких забытых деревеньках. В горы по традиции уходили умирать старики, не желавшие дожидаться, когда будут выставлены на смерть родственниками вон из жилищ – древняя традиция! *Ямабуси* были проводниками в горы устремляющихся к просветлению мирян, сюда, в горы, монахи относили поминальные записки и священные дары, что передавали умершим предкам крестьяне.

По старинной традиции, настоятели *додзё* рукопашного боя проводили здесь, в «Стране ранней осени», советы, соревнования, обряды посвящения и испытания мастерства высших *данов*, обменивались с монахами-воинами опытом и учениками, порой оставались навсегда, дабы прожить остальные годы в гармонии с миром.

В Японии трудно найти гору без храма на ней, принадлежащего *синто* или буддизму, или обоим религиям одновременно. И здесь, на горе Исикари, алея вратами *тори*, стоял небольшой синтоистский храм Дунгбен. С давних пор в храме проживал и священнодействовал монах по имени Бенйиро, что значит «наслаждающийся миром». Принимал у себя в доме Бенйиро всякий люд и разную нелюдь, и зверей и птиц. Докатывались сюда и бури мирских потрясений, но уже совсем на излёте – ободранными, полудохлыми от голода и страданий поползали сюда осколки мощных враждующих родов. Здесь самураи находили мир, через эти самые *тори*, врата, проводил их Бенйиро в совершенно иную реальность, где совсем не оставалось места былым разногласиям. В алтаре хранился древний пергаментный свиток – настолько древний, что настоятель Дунгбен боялся и смотреть на него – не то, чтобы притронуться к обветшалой коже. Свиток считался самым важным из многочисленных *цукумогами*, обитавших в храме – старые сандалии, часы, фонарь, чётки, халат для кимоно и зонтик.

Но, даже не заглядывая в писания, Бенйиро представлял себе, что содержалось в свитке. От пергамента того свет мудрой ясности и чистоты невидимо лучился, он наполнял окрестные горы, и в процессе медитации, раскрывающей сознание, просветлённый человек становился един со всем, что ни есть на земле. Бенйиро знал и любил эту местность – все горные виды с высоты, все ущелья, удивившие куда-то вниз, во тьму и беспокойство неурядиц. Он сам обла-

зил все ущелья и туннели, ощупал каждый камень, приласкал каждое дерево, прикормил каждого демона.

С давних пор – когда так повелось, Бенйиро и не помнил – навстречу осени к храму Дунгбен поднимались группы людей из долин и с побережья. Они ненадолго вносили в размеренную жизнь Бенйиро забавную сутолоку – совсем как макаки, что обитают на деревьях вокруг озера Яро. Все эти люди во многом облегчали настоятелю уход за садом – таскали воду, мели дорожки, подрезали и пропалывали, собирали урожай, словом, помогали по хозяйству. А в свободное от работ время дрались. Случалось, и нередко, кто-нибудь из драчунов оставлял сию юдоль и отправлялся к праотцам.

Нынешняя осень была не исключением. Назвавшие себя Зотайдо два брата привели десятка полтора учеников. Постарше – их тренировал лысый человек с повадкой дракона-волка – жестокие бойцы, не слишком трудолюбивые, но выносливые, старательные. Шестеро помоложе – ярые, жёсткие, но не увидел в них Бенйиро жестокости. В них, молодых, ещё жива была восторженность детства, и красота природы им была ещё открыта.

Сами по себе горы – пространство, у которого необычная геометрия, оттого усталый человек с равнин скоро теряет чувство равновесия и у него кружится голова. Выше в горах труднее дышать, чем в низине. Организм быстрее устаёт, а оттого в движениях появляется несогласованность, неловкость. Кто преодолеет себя – приобретёт особую выносливость и сможет ориентироваться в режиме действий на повышенных нагрузках. Это качество превращает бойца в опасную машину убийства. И это единственное, чему мог научить Суа он, Зотайдо Шуинсай.

Тренировки начинались ранним утром. Не особенно изнуряющие, ведь впереди ещё целый день хозяйственных забот. В основном Шуинсай гонял учеников по пересечённой местности, учил ориентироваться в пространстве. Вечером же преподавал молодым бойцам тактику *синоби* – необычную для *додзё* Ампаруа, где ребятишек обучали только боевым навыкам *буси*, хоть и называли «*ниндзя*» – ради прилежания. Ночь была короткой передышкой и опять на ранней заре – подъём, пробежка и недлинный ритуал «вдыхания света» с благодарностью Аматерасу.

Со склона сквозь чахлую высокогорную поросль едва виднелся далёкий хмурый берег Восточного моря. Мастер Шуинсай, постояв немного и напрасно поискав глазами Ампаруа, вдохнул чистого похолодевшего воздуха, спустился в распадок и сел на листву, поджав под себя ноги. Завязал глаза, прислушался: только шум «прибоя», создаваемый собственным кровотоком, да горный унылый ветер... да близкий шорох за колючим кустарником за спиной! Перестав улавливать шорох, он резко отклонился назад, лёг на спину и поймал ногу Суа – в который раз атака в прыжке не вышла. Вскрикнув от боли, девушка упала в листву. Шуинсай снял повязку и строго заметил:

– Изучи местность перед боем. – раз... Никогда без отвлекающего манёвра не прыгай на медитирующего *ниндзя*, тем более, на мастера! – два.

– Да, учитель, – поднявшись, покорно ответила Суа. И приготовилась отжиматься на пальцах.

– Два круга вокруг того березняка с ношей из камней, – махнул рукой он, подзвав невысокого худого корейца. – Пак, проследи, чтоб до захода солнца Суа вернулась в деревню Хайкан. – Утром продолжим.

– Да, *сэнсэй*. – Суа выглядела – само почтение.

– *Сэмпэй*... – строго поправил мастер. – Не доберёшься вовремя в деревню, не получишь еды.

Паку не пришлось выдвигаться на поиски Суа. Девушка прибежала на закате, стесав коленки и локти – падала не раз и ушибалась о валуны. Ничего себе, правда, не вывихнула, не сломала. Выбилась из сил, болели мышцы, ломило кости, подкашивались натруженные ноги,

сипело горло. Отдышалась и успокоила бешено колотящееся сердце она нескоро – никогда Кендзо не гонял её, принцессу, столь жестоко! Суп из морских водорослей и два небольших рисовых колобка с начинкой из окуня показались ей божественным кушаньем. Но перед ужином принцесса, босая, ещё принесла несколько ведер воды и развела огонь. Она сердилась на саму себя, но терпела – только бы ежедневно видеть Шуинсая...

Накрывшись оленьими шкурами, Шуинсай, Суа и ещё несколько учеников, трое юношей и две девушки, сидели вокруг костра около огромной хижины, что предоставил им Бенйиро. Пили горячий бульон и молчали. Костёр потрескивал, время от времени, когда подбрасывали хворост, выстреливал рубиновыми искрами. Золотистый мерцающий свет играл на задумчивом лице мастера, переливался позолоченной сталью на седеющих висках. Ученики выжидающе смотрели на него. Суа, расправила плечи, вздохнула. Оборвав гнетущую тишину, Шуинсай заговорил:

– Задача, в общем, несложная. Вы должны пройти дистанцию по ущелью и лабиринт туннелей. Каждому дадут небольшой кусок карты с маршрутом, на карте указаны места расположения трофеев – *нэцкэ*.

– Что за *нэцки* такие? – поинтересовалась Май, яркая и смелая красавица. – Как их носят?

– Это такие застёжки на пояс... со старой родины. – Пояснил Шуинсай. Он показал висевший у него на поясе кисет, перехваченный шнурком. Узел шнурка был спрятан внутри небольшой костяной безделушки, изображавшей радующегося жирного монаха.

– Как живой! – позавидовала девушка. – А можно будет такую оставить себе?

Шуинсай покачал головой, продолжая инструктаж.

– Лао по шее надаёт – он сам вырезает *нэцкэ*, нервы лечит; всегда берёт их с собой на испытания и сам расставляет. Попросите хорошо – может, и подарит... В общем, так. Соберёте и принесёте трофеи в храм – значит, прошли испытание. Но! Понадобится выносливость, способность мгновенно ориентироваться и безупречная реакция. Страховки не будет, не надейтесь. Больше скажу: вам нужно опасаться учеников Лао. Сами видите – дядьки взрослые, серьёзные, злые. Служили в войске. Разбойничали. Хуже того – учились у Лао. Поэтому никто из них не постесняется убить вас, чтобы отнять кусок карты с отметками трофеев или вашу добычу. И никто не станет их за это карать, потому что испытание – игра со смертью. Вам придётся опасаться и друг друга, потому что сдавший трофеев больше всех – быстр, осторожен, удачлив, умел. Обладающий этими качествами получает пояс высшей ступени, а это учитывается при назначении мастером в *додзё* или на должность в полиции и армии императора.

Он говорил холодно и отрешённо, глядя расширенными глазами в огонь костра.

– Можно отказаться сейчас или никогда. Вы достаточно взрослые, чтобы выбрать путь в жизни. Когда-то ваши родители выбрали свою стезю. Они точно так же решали, остаться на пути воина, или сойти, ведь добывать пропитание можно по-разному: крестьянским трудом, ремёслами, или торговать... Теперь настало время думать вам.

Ученики оживлённо заговорили, закрутили головами. На лбу юношей проступила испарина, бросило в холодный пот. Они пытались сохранить спокойствие, скрыть тревогу под маской уверенности. Но тщетно – напряжение и невольные движения руками выдавали. Девушки озадаченно озирались по сторонам: умирать не хотелось. Бросали вопрошающие взгляды на парней, но те, замкнувшись, старались не смотреть им в глаза. Взгляды одних потупились, а у других – вспыхнули искрами, но никто не отказался. Их было пятеро, не считая Суа, и каждый давно вынашивал честолюбивую мечту – стать мастером, прекрасно понимая, что чувства не должны взять верх над целеустремлённостью.

– У одного из вас, – оглядел Шуинсай девушек и юношей, – появится комната в трёх *додзё* и собственный отряд учеников. А ты, Суа, старшая из всех, пока думай. Если тебе не нужно место мастера, тогда что держит тебя?

Под пронизательным взглядом учителя она поёжилась... нахмурилась.

– Я уже подумала, *сэмпэй*, не нужно снова и снова повторять, – недовольно ответила девушка, скинув оленью шкуру с плеч на землю. Решительности ей было не занимать.

– Итак, – промолвил Шуинсай, кивнув. – Утром взойдём на Исикари в храм Дунгбен, чтобы просить богов о благосклонности, а оттуда сразу же...

Раздалось ритмичное цоканье, будто конь бодро шёл по горной дороге. Вскоре возле костра появился бородатый старик в мешковатой одежде, и штанах, плотно обмотанных до голени. Сбросив со спины связанный верёвкой хворост, он проворно подхватил его, наклонившись. Стало заметно: он гораздо ниже ростом, чем выглядел – стоял на высоких *гэтта*. Шуинсай позвал, предложив выпить горячего.

– Посидите с нами, Бенйи-сама! Всё в заботах, всё вы где-то пропадаете. Нынешней осенью мы встречаемся, кажется, в третий раз. Даже поговорить не удаётся.

– Наверное, четвёртой встрече, Шуи-сан, вовсе не бывать, – улыбнулся монах, потряс бородой.

– Кто знает, дорогой, Бенйи-сама, кто знает? – развёл руками мастер, поднявшись. – Хотя... – Шуинсай иронично улыбнулся. – В прошлый раз вы задавались этим же вопросом!.. А, по-моему, выглядите великолепно.

Настоятелю шёл девяносто третий год.

– Не так уж, Шуи-сан! Здоровье не то, что прежде, – признался он грустно. – Кашель душит – порою так, что до земли сгибает... – выйдя на свет костра, старик испытующе оглядел компанию учеников, приятно удивлённых знакомством.

Есть люди на свете, которым стоило перешагнуть особую точку во времени, как возраст переставал влиять на внешний вид. Сей период миновал и настоятель храма Дунгбен. На вид ему – не больше семидесяти. Но руки – жилистые и крепкие, толстые в запястьях, как ствол бамбука, полусогнутые, с лёгкостью держали охапку хвороста. Плечи старика – широкие и покатые, а сам он грузный и чуть сутулый, а шея прямая и мощная, бычья. В ушах, несоразмерных лицу, сверкали чистым янтарём круглые серёжки.

– На здоровье жалуетесь, а хворост собираете охапками! – обронил Катсу, сидящий рядом с Май. Шуинсай зыркнул на него, невежу.

– Хи-хи-хи... – Бенйиро ничуть не обиделся. Вытянул ветку из принесённой им кучи и подбросил в костёр, взметнув искры. – То уже не старые ноги носят меня, а душа. Душа-то не ходит по горам, усталости не знает. Душа-то к миру прилежит, который настоящий. А этот мир – всё тут нам только кажется: горы, ветер, холод, далёкое или близкое, красивое или безобразное. Я скоро совсем уйду туда, где свет *неразличения*.

– Как ску-учно! – Май надула губки.

– Бенйи-сама, – любознательного Катсу зацепило что-то в словах монаха. – Если всё здесь иллюзия, почему бывает больно, когда случайно, не глядя и не ожидая, обо что-то ударишься? Мы же не видим того предмета, что в нас летит – значит, не порожаем иллюзий.

– Твоё сознание думает, что оно ограничено лишь тем, что видит сию минуту. Это иллюзия *омрачённости*. – Монах старался объясняться предельно конкретно. – На самом деле твоё сознание безгранично, и оно – не «твое», оно общее для всего мироздания. Иллюзии порождает само Сознание Мироздания, которое целиком в тебе не помещается, и потому появляется ограниченность – ты сознаёшь себя отдельным от всех существом.

– И то, что мы здесь сидим у костра – иллюзия? – Катсу «несло».

– Конечно, – утвердительно кивнул монах. – Ты видишь не всё и не всех, так сказать, «присутствующих»... Вот ты видишь, например, белую крысу? Нет? А крыса тут!

Бенйиро протянул руку по направлению к Кату – на раскрытой ладони монаха уютно устроился белый комочек.

Было так: много лет назад в пристройке-складе храма Дунгбен завелись крысы. Бороться с хвостатыми безобразниками старик не стал – Дайкоку рассердится, ведь если бы крысы не прогрызали дырочки в его мешке, волшебный рис не просыпался бы людям в руки достатком и богатством. Перенёс мешки в хижину, залатал их, оставлял на складе горсточку риса и проса. Крысы рис съедали в первую очередь, а просом лакомились неохотно. Вскоре корм кончился, грызуны постепенно перебрались в дом – старик выделял им маленькие порции каждый день, наблюдал. Они настолько привыкли кормиться под его присмотром, что потом не показывались, если тот отсутствовал. А когда находился рядом, аппетит у крысок был отменный и настроение – прекрасное: они, чувствуя добрую ауру кормильца, дружно жили и весело попискивали под печью.

Бенйиро привязался к ним, дал имена. Пятнистого звали Киёши, он долго спал и гулял только ночью; тёмно-коричневого – Риота, он, толстый и нахальный, играл в догонялки с братьями и пищал тоньше других, а белого, как молоко, да худенького, шустрого – Сява.

Смешно сказать, эти трое по характеру были копиями сыновей Бенйиро! Когда становилось грустно, одолевала тоска по детям, отправившимся со старым Уэсугой, ещё до нынешнего Ёсисады Хадзиме, воевать на «Острова непокорных», он разговаривал с крысками, изливал им душу. Бенйиро чувствовал при этом, что разговаривает с родными детьми – не только чувствовал, был уверен в том, что неспроста такое совпадение обнаружилось в его старицкой жизни... И они, его сыновья, вытаскивая острые бледно-серые от пыли и золы мордочки из-под печи, шевелили усами и выходили. Сява любил старика не только из-за обильного угощения, но и нравилось ему спать на оленьей накидке, в которую хозяин заворачивался на ночь. Белый крысёныш по-настоящему доверял настоятелю и не боялся выбираться из укрытия даже днём.

Жена старика, пусть ей на райских куцах Ракуэна ложе будет осыпано лепестками сакуры, не понимала дружбу с крысами. Она, женщина добрая, испытывала отвращение к голохвостым – в прошлой жизни, наверное, была мышкой, а ведь мыши с крысами не ладят... Иногда кто-нибудь из сыновей-крысят требовал обеда или ужина раньше времени, выбегал из-под печи и носился по полу хижины. Тогда она сердилась: кричала и визжала одновременно. Как-то пустила в дом кота. Одного хвостатого гостя кот задушил, двоих – напугал. Старик понял: их сын погиб... Бенйиро пару раз наградил жену оплеухой, загрустил. Прогнав кота, ждал. И дождался... Вернулась белая крыса.

Рин, жена Бенйиро, умерла от продолжительной неизлечимой болезни, и Сява-сан мирно жил со стариком *уже сорок лет*.

– Столько не живут, – громко сказала Суа. – Крысы, – добавила она, поймав на себе недоумевающие взгляды товарищей. До них начинало доходить, что именно Суа сказала: «старик Бенйиро – лжец»!

Сява злобно вытаращил на Суа чёрные бусинки, шевельнул усами.

– Хи-хи-хи, – старец закатился тоненьким смешком. Поднёс крысу к себе, накрыв рукавом кимоно, и тут же развёл обе руки в стороны. Суа вскочила, как ужаленная – из-за пазухи у принцессы выпала... белая крыса.

– Сява-тянь, сынок, поди ко мне, – под общий хохот позвал монах. Крыс вальяжно шествовал мимо костра к Бенйиро. – Сява-сан не простая крыса, он – *хэнгэ*, демон.

Погрызенной головкой сыра желтела луна. Серебряные крошки звёзд сияли в небе сквозь тонкую прослойку бледных облаков, похожую на газовую ткань. Звёзды отражались на дрожащей поверхности воды небольшого высокогорного озера Яро. Из него ученики Шуинся днём черпали воду ведрами и заливали в систему бамбуковых трубок, которая доставляла её в бассейн у хижины, где сейчас для них готовилась общая баня.

В середине просторной комнаты располагалась каменная печь с котлом, в который изливалось несколько трубок. Дым поднимался свободно вверх и выходил из отверстия в высоком потолке. Вокруг печи было просторно. Пол, устланный шкурами, мягкий, точно шерстяной ковёр. Места на шкурах старик отдал гостям, а сам предпочёл циновку.

Котёл закипал медленно, но его хватало, чтобы долить кипятком большую ёмкость для общей бани. И взрослые, и подростки без различия пола – раздевшись, мылись в ушатах, а после степенно забирались в *сэнто*, горячий парящий бассейн и устраивались на приступке, окунаясь по плечи. Самураи ничуть не опасались «потерять лицо» – мечи явно мешали, и они снимали оружие. Суа, по идее, совсем не имела права показываться перед низкорождёнными без одежд, но тут ситуация позволяла: принцессы Ямато могли принадлежать божествам как жрицы, но не заниматься боевыми искусствами!.. Поэтому раздеться и голышом влезть в общую баню уже не казалось Суа таким уж невозможным делом. В конце концов, она ведь ни с кем не целуется – чего тут неприличного! К тому же вместе со всеми – мужчинами, мальчиками и девочками – в бассейне расслаблялся и её Шуинсай...

После водных процедур запахло смесью влажной соломы с глиной и паром. Новизна необычной обстановки захватила гостей, они не могли уснуть. Внутри отдельной *нока*, в темноте, пронизанной янтарным светом из отверстий в ткани, прикрывающей выход и два окна, перешёптывались юноши, похихикивали девушки, царило оживление, точно накануне праздника. Шуинсай, закутавшись в шкуры, сидел и разговаривал со стариком, интересуясь его детьми да рассказывая про жизнь свою и брата. Суа глядела во тьму потолка и не без интереса слушала беседу. Ей нравился бархатный голос мастера, чудилось: она знала его давно, в какой-то из прошлых жизней он уже принадлежал ей. Или она ему... Старик, ничуть не стесняясь девушек, похвалялся своей не угасшей мужской силой, что явила себя в бане, а Шуинсай рассмеялся от души и поделился знаниями в области стимулирующих трав и продуктов.

– Всегда ли *саке* расслабляет его? – подумала Суа. – Он достаточно выпил, но вёл себя безупречно. Во дворце, среди притворщиков, ленивцев и чревоугодников, становилось тоскливо, только несколько приближённых брата заслуживали уважения.

Старик неожиданно замолк и громко засопел.

– Так... – вдруг серьёзно сказал мастер, повернувшись. – Спать!

Ученики перестали возиться, затихли. Суа вспоминала, лёжа на толстом мате без сна, как однажды после обильного ужина приближённые *сёгуна* разошлись по домам, а сам Хадзими, отослав евнуха и наложниц, взял лампу и пришёл в комнату *сестры*. Суа готовилась ко сну, сидя перед круглым серебряным зеркалом. Удаляя косметику с лица влажным платком, сделала вид, что не заметила *брата*. Отложив платок на низкую тумбочку, разглядывала в зеркало лицо.

– Здравствуй, Суа. – Хадзими наклонился над ней. Она отвернулась, скривив губы – от *брата* пахло *саке* и луком. Он положил руку на её открытое белое плечо, поцеловал в шею, встал на колени и обнял за талию. – Я удручён.

– Ты всегда не в духе, когда заходишь ко мне! – не стерпев, ответила она свистящим шёпотом, следила за его раскрасневшейся щекой. – Долго мне терпеть такого *брата*?.. Долго мне притворяться сестрой не твоей, а полоумного Тоды?

– Не груби Белому Тигру! – Хадзими схватил её за левое запястье, потянул на себя, заключая в объятия. Сопrotивляясь, Суа оттолкнула его, прошипев змеей:

– *Братец*, ты дождёшься!.. Больше не вынесу домогательств, я – не одна из твоих шлюшек, ты не вправе владеть мной, опротивел! Однажды я тебя убью, клянусь!

– Конечно, – усмехнулся он, поднявшись. – Твои многолетние тренировки... Будь ты сильнее хоть самого Кендзо и любого из его бандюг, но ты – женщина! Мои наложницы бесплодны, или хуже – рожают девок. Близится круглая дата со дня разгрома Белым Тигром *эмиси* Хоккайдо, а также – Праздник Весеннего равноденствия Сямбун-но хи, и по традиции каждый

высокорождённый *даймё* являет солнцу и народу наследника. У меня – никого, я в глубоком отчаянии!

– Не они приносят испорченные плоды, а ты!.. Или забыл о выкидыше... от тебя, *братец*? – Суа проговорила с невыносимой горечью.

Плотно сжав губы, он удержался от грубого ответа. Суа встала, глядя на него остановившимся взглядом.

– Ты снова захотел меня, слизень несчастный? – нутро заныло в ожидании неминуемой ссоры, которая случалась регулярно на протяжении многих недель. – Мне безобразно чувство, когда касаешься и мнёшь моё тело. Ты не Сусаноо, я – не Аматарасу! Ты, шутя, перекусишь моё ожерелье, но мне – ни за что не перекусить твоего меча! Детей у нас *не будет!!!*

Оранжево-жёлтый свет догорающих свечей играл на её крепких круглых плечах, придавая матовой коже розовый оттенок.

– Пожалуйста, Суа, *любимая*, только ты в силах спасти род Белого Тигра, – Хадзиме пал ниц перед ней, и, подняв голову, умоляюще попросил: – Мне нужен здоровый наследник. Ты – моя надежда!

– Смотреть на тебя невыносимо, – покачала она головой, нахмурившись. – Поделись одной из своих наложниц с вассалами, чиновниками или генералами. Да, твой любимчик, Мицухидэ, что постоянно тебя спасает, играючи решит и такую твою проблему... Поражаюсь, как ты не привёл его сегодня... ко мне!

– Ты – дерзкая нахалка! – выпалил Хадзиме, и, задрожав от злости, бросился на сестру с кулаками. Она ловко поймала руку и крутанула в запястье – ошеломлённый *сёгун* свалил перегородку, прорвав шёлковую обивку. Некоторое время он лежал, непонимающе глядя в потолок. Затем встал, мазнул сердитым взглядом прибежавших *ёдзимбо*, и покинул комнату, дрожа от гнева...

Впервые за долгое время Суа приснился цветной сон, в котором она лежала на поляне, залитой солнцем, среди лилий, белых и красных роз. От аромата приятно кружилась голова, сквозь красочную пелену нереальности она чувствовала тепло, подобное тому, которое испытываешь, находясь с дорогими людьми. Рядом сидела мама, одетая как крестьянки, а папа и Шуинсай вместе носили охапки душистого сена, заготовленные на зиму для коровы. Суа знала, что её собираются отдать в храм, чтобы она стала *мико* и не пачкала руки крестьянским трудом... Но вдруг рядом появился брат Хадзиме и сказал, что договорился с богатым господином, который согласен взять её, Суа, себе на содержание – в качестве *майко*, в обмен на её девственность.

Суа проснулась от громких криков испуга: девушки визжали, сбившись в кучу, прикрывшись шкурами. Парни сонно переглядывались. Утренние бледно-синие лучи солнца, струившиеся в окна, выхватили белую толстую крысу с длинным розовым хвостом. От пронзительного девичьего визга крыса заметалась из угла в угол, и, наконец, спряталась под печь. В хижину вбежал мастер Шуинсай, следом – старик Бенйиро. Первый недоумевал, второй тонко расхохотался.

В это утро они так и не смогли отправиться на Исикари. В Дунгбен принесли известие – на деревушку Хайкан, что располагалась далеко внизу ущелья, западнее храма, напали горные бандиты: загнали в глубокую яму мужчин, забрали запасы риса, увели несколько голов скота, надругались над женщинами и детьми. Обещали вернуться, когда крестьяне соберут выкуп, и жители Хайкан понимали, что им несдобровать. Видя, как тренируются ученики братьев Зотайдо, посланники деревенского старосты решили обратиться за помощью к ним.

– Уходи, пока цела! – раздражённо вскричал Лао, подбежав к Суа, заглянул в лицо, едва не поцарапав седой щёткой усов. Перед глазами принцессы багровела неприятно вытянувшаяся помятая волчья физиономия мастера. Суа сохраняла спокойствие, стиснув зубы. От Лао разило *sake* и здешним деликатесом – маринованными ламинариями. Старший Зотайдо ярился

– размахивал руками, толкался, гримасничал, но ученики привыкли к такой манере и не реагировали, они знали, что мастер столь необычным способом испытывал их на прочность. Шуинсай, наконец, остановил расходившегося брата.

– Никто не покинет отряд, слышишь, перестань! У каждого воина своё предопределение... – последние слова прозвучали глухо, и некоторые поняли, что подразумевал младший Зотайдо.

Мастер своего дела, помешанный на совершенствовании живых боевых машин, Лао проводил в тренировках дни напролёт. Учеников он считал статистическими единицами, «средством для достижения цели в руках умельца», и не более. В отличие от Шуинсая, Лао не дорожил никем из учеников, самоотречение считал «основой-наконечником воинского совершенства», не чувствовал вины за смерть, разговаривал только по мере необходимости, не вдаваясь в подробности, не приветствовал индивидуальный подход. Не испытывал Лао к ученикам ни дружбы, ни симпатии. Ничто не могло разжалобить старшего Зотайдо, казалось, по его венам бежала ледяная вода, а сердце – осколок гранита. Он мог дюжинами посылать на смерть, затем тренировать новобранцев и отправлять снова. Подчинялись ему беспрекословно, знали, что послушание наказывалось.

– Вы погибнете, недоучки, – проговорил Лао жёстко, бросив в стоящих кучно учеников горсть камней. – Я уже вижу вас, мертвецов, в земле!.. Пшли вон!

Ученики молчали, глядя на мастеров, кто внимательными, кто преданными глазами. Лао, сев подле костра, поднял дожарившийся кусок говядины, удовлетворённо улыбнулся:

– Значит, готовы умереть? – торжество разгладило черты его лица. – Духом зрелый настоящий самурай всегда готов проститься с жизнью. – Лао поднял и оглядел лоснившийся от жира аппетитный кусок. – Жизнь – ничтожна! – откусил и поморщился: кусок не успел остыть. – Честь – вечна! – горячая сальная капля потекла по бороде.

– Но ВЫ – не самураи! – заорал Лао. – Только посмейте умереть! Думаете, смерть спасёт вас от меня? Х-ха! Если узнаю, что кто-то из вас мёртв – догоню и убью!

Отряд новоявленных свеженатасканных диверсантов и два мастера выдвигались к деревне Хайкан. Озёрные макаки тихо сидели на деревьях, провожая взглядами странных людей. До деревни путь не близкий. Ведя свою небольшую армию, Шуинсай и Лао делали привалы.

Белёсый туман плоскими слоями стлался над лощиной, которая постепенно окрашивалась багряным цветом, и вскоре тьма уже не превращала в человеческую фигуру каждый колеблющийся куст и корягу.

Глава 8

Три дня Шиничиро не появлялся ни на тренировках, ни дома. Шина, вернувшись с поля, увидела записку – несколько иероглифов *манъёганы*, выложенных на циновке стеблями сель-дерей: «Прости, мам, вернусь не скоро, если вообще вернусь».

Закрывшись в комнате, она неслышно плакала, причитая:

– Зачем, Шини-тянь? Чего добиваешься?

Шина волновалась. На следующий день она успокоилась, когда знакомые сказали, что несколько раз видели её мальчика.

В чём провинился? Она подозревала, что Шини что-то натворил, но спрашивать у Кендзо не имело смысла: старик не сказал бы, он вообще мало разговаривал, только кивал да хмурился. Наконец Ёиро поделился услышанным от односельчан. Оказалось, в доме Кендзо кто-то пролил чернила на его постель, напугал служанку и забрал рыбу. Старик сразу подумал на бездельника Шиничиро. Теперь рассерженный Кендзо отрядил на поиски Шиничиро несколько своих *якудза*.

Шиничиро донесли, что старый мастер зол и не станет выслушивать его оправданий. По возвращении его ждало рекордное количество ударов бамбуком, затем курс тренировок, разработанный *сэнсэем* «Затаившегося дракона» для нерадивых. Юноша прекрасно понимал, что будет, появившись он в Ампаруа, поэтому возвращаться не торопился.

Морики не посмела укрывать Шиничиро у себя дома. Мало того, пообещала рассказать, что не покинул тот Ампаруа, а живёт у друга. Юноша, схватив предательницу за шиворот, затолкнул в дом и задвинул за собой перегородку.

– Ты что? – зашипел он, приложив палец к губам. – Мне конец, если старый доберётся до меня! Дай хотя бы переночевать. Утром уберусь, обещаю. Я не ел много дней.

– Украл у мастера рыбу, – она сердилась. От прежней мягкой доброй девушки не осталось и следа. – Значит, ел.

– Обменял на рисовые колобки, – помялся Шиничиро, поглядев по сторонам. – Рыбу ведь надо чистить. Тихо ты, не кричи!

– Если не пропустишь – получишь! – девушка всерьёз была настроена враждебно. На её милом лице читалось недовольство.

– Давай лучше обниму тебя. – Он заключил девушку в объятия, хотел поцеловать. Ударив юноше коленом в пах, Морики выскользнула из дома.

– Урод!!!

– Глупая... девка!.. – боль внизу живота – тупая, невыносимая, проходила медленно. Через некоторое время утихла, но юноша всё равно ощущал себя опустошённо. Нигде не нашлось поддержки. Оставалось сдаться, вынести наказание да вернуться домой. Нет, не дождётся противный дед! Откуда было знать юноше, когда хамил, что этот глубокий старик – прославленный Кендзо?.. Сам виноват!

Шиничиро убежал из дома Морики. Да, зря проделал столько *ри*, лучше бы послушался Хаору...

Лучший друг Зотайдо Шини по имени Микачи Хаору давно отошёл от суматохи тренировок, никому не подчинялся, слушая лишь зов сердца и звуки порой пустого, но всё равно отчего-то толстого живота. Его родители постарели настолько, что оказались неспособны держать оболтуса в узде. Теперь вся его непутёвая жизнь состояла из крепкого сна, хмельного *sake*, горсти риса с кусочками морского окуня да смазливых *юдзё* в борделях. Хаору жил на побережье Тихого океана в *джонке*, которая нуждалась в ремонте. Иногда он подбирал и перевозил на острова Идзу с Хондо и назад мелких торговцев, желавших поживиться контрабандой зелёным стеклом, что добывали на Ниидзиме, самураев-*ронинов*, искавших сообщников

среди ссыльных *акито*, или монахов *нитирэн*, добравшихся в храм Тёэй-дзи. Если Хаору подражался работать проводником и перевозчиком, то за услуги получал еду, ценные вещи, обзаводился новыми друзьями. Но почти всегда он воровал, придерживаясь старого правила дядюшки Ичаня: «Не можешь заслужить или заработать, так возьми, ибо хозяин вещи не тот, чья она, а тот, у кого она».

Отходя от дневного сна, опухший, он сидел на серо-чёрном камне и хмуро глядел на зыбкую воду океана, слушая жалобные крики чаек. Холодный ветер, чертя на воде причудливые линии, дул ему в спину, щипал жирные бока. Невольно парень перевёл ленивый взгляд на прибрежную траву; она, высохшая, желтела. В траве, около раздетых трупов, лежало что-то блестящее и разноцветное.

– Никуда не денется, – пробормотал он, съёжившись. После вчерашнего загула Хаору чуть не лишился жилища. На его худую *джонку* позарились преступники, выдававшие себя за бродячих музыкантов – засели внутри и не пускали подвыпившего хозяина на борт. Хорошо, что *Такисиро*, «Бамбуковый мореход», – так парня называли знакомые, – отдыхал в борделе не один, а с приятелями-самураями! Вернувшись с подмогой, Хаору со товарищи живо расправились с захватчиками, разделив их добро между собой. Теперь Хаору ждал вдохновения, чтобы подняться и рассмотреть вещь получше. Она, наверное, ценная; украдена у кого-то знатного. Тут, в Тиба, близ Эдо, каждый день ловили лазутчиков, происходили стычки между самураями да бандитами. Время беспокойное, не удивительно, что случайно перепала хорошая вещь! Всегда парню везло – Эбису, бог рыбацкой удачи, не отходил от него ни на шаг. С бандитами ли он якшался, или пребывал в компании самураев, но Удача его любила: те и другие стремились вознаградить проводника Хаору.

Дальние кусты раздвинулись, на тропе появился запыхавшийся Шиничиро. Отдышавшись, он вымученно улыбнулся и медленно подошёл, всё ещё глубоко вздыхая.

– *Шидзин*! – Хаору вяло покачал головой. – Что, дело плохо, да?

Шиничиро, подступив к другу вплотную, кивнул. Хаору, криво усмехнувшись, позвал его на *джонку*.

– В лодке, там, есть немного пойла, бодрит как нельзя лучше. Стащил вчера с прилавка, – он потёр крупный поцарапанный нос, сощурился, поглядев на солнце. В широко распахнутом вороте кимоно темнела загорелая волосатая грудь. Глаза тонули в отёчных мешках, проткнув которые, казалось, можно пустить *саке*. Углы рта опущены, в них скопилась побелевшая слюна. На нелепых при таком пузе узких бёдрах штаны удерживались широким, богато тиснённым ремнём с толстой гравированной пряжкой, в которой сидело две капельки бирюзы. Эта единственная ценная вещь осталось после дяди, дом которого сожгли бандиты, а сам он переехал и некоторое время прожил у отца Хаору – Микачи Хироши.

– Отходим, Бамбук, – попросил Шиничиро. – Тут вряд ли безопасно!

– А-а, сейчас. Немного...

– Знаю твоё «немного»! – рассерженно бросил Шиничиро, умывшись, забрался на борт *джонки*, наклонился и заполз под дырявую крышу кормовой надстройки. Скрипели под ногами разошедшиеся бамбуковые жерди, связанные гниющими верёвками.

Тело и ум Хаору вялы и ленивы, в глубине души он боролся с завистью к деятельным людям, у которых, он знал, бывали достижения и радости, тогда как свою бесполезную жизнь на старой *джонке* парень откровенно прожигал – в увеселительных заведениях с компаниями бродяг. Он жил правилами, непонятными Шиничиро, обитал в мире туманной мглы, проникнуть в неё было трудно, почти невозможно. Хаору, впадая в депрессию, мог днями молчать или часами бормотать одно и то же. Порой не замечал он ни вещей, ни людей, если они так или иначе не попадали в приход или расход его обособленной жизни.

– Ты ведь не захочешь попасть в лапы старого Кендзо и пострадать как мой сообщник?..

– Сдурел, что ли? – увеличились маленькие серые глаза проводника, взгляд прояснился, парень будто вмиг освободился от похмелья. Разгладилось помятое от сна лицо. – Убираемся отсюда!

Хаору запахнул кимоно, скомкав, подобрал вещицу в траве, и, разглядев, изумился. Короткий кинжал, украшенный синими, красными и чёрными камнями, наверняка драгоценными. Лезвие изогнутое, с двумя выломанными зубчиками, испачкано в запёкшейся крови. Ножны отсутствовали. Глаза парня заблестели, он чихнул – от рукоятки пахло кисло-сладким ароматом.

– Садись за механизм, подымай паруса – позвал Шиничиро, высунув голову из окошка. – Я – на корме, возьму весло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.